

ISSN 0869-4362

Русский
орнитологический
журнал

2012
XXI

ЭКСПРЕСС-ВЫПУСК
786
EXPRESS-ISSUE

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology

Издается с 1992 года

Т о м ХХІ

Экспресс-выпуск • Express-issue

2012 № 786

СОДЕРЖАНИЕ

-
1977-2009	Вороновые птицы <i>Corvidae</i>
в Западном Тянь-Шане.
Е. С. ЧАЛИКОВА
2009-2011	Залёт зимородка <i>Alcedo atthis</i> на озеро Язёвое
у подножия горы Белухи (Центральный Алтай).
Н. Н. БЕРЕЗОВИКОВ
2011-2012	Реакция на хищника – причина гибели
степных жаворонков <i>Melanocorypha calandra</i> .
Ф. Ф. КАРПОВ
2012-2013	Гнездование желны <i>Dryocopus martius</i> в Кодрах.
В. С. ГАВРИЛЕНКО, П. Т. ЧЕГОРКА
2013	Гнездование чёрного аиста <i>Ciconia nigra</i>
в Манраке. С. В. СТАРИКОВ
-

Редактор и издатель А. В. Бардин

Кафедра зоологии позвоночных
Биолого-почвенный факультет
Санкт-Петербургский университет
Россия 199034 Санкт-Петербург

Р у с с к и й о р н и т о л о г и ч е с к и й ж у р н а л
T h e R u s s i a n J o u r n a l o f O r n i t h o l o g y
Published from 1992

V o l u m e X X I
E x p r e s s - i s s u e

2012 № 786

CONTENTS

- 1977-2009 Crows Corvidae in the western Tien Shan.
E. S. CHALIKOVA
- 2009-2011 Vagrant kingfisher *Alcedo atthis*
at the foot of Mount Belukha (Central Altai).
N. N. BEREZOVIKOV
- 2011-2012 A reaction to a predator - the cause of death
of calandra larks *Melanocorypha calandra*.
F. F. KARPOV
- 2012-2013 Breeding of the black woodpecker
Dryocopus martius in Codri.
V. S. GAVRILENKO, P. T. CHEGORKA
- 2013 Breeding of the black stork *Ciconia nigra* in Manrak.
S. V. STARIKOV
-

A. V. Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
S.-Petersburg University
S-Petersburg 199034 Russia

Вороновые птицы Corvidae в Западном Тянь-Шане

Е.С. Чаликова

Елена Сергеевна Чаликова. Заповедник Аксу-Джабаглы, село Жабагылы, Тюлькубасский район, Южно-Казахстанская область, 161310, Казахстан. E-mail: echalikova@mail.kz

Поступила в редакцию 13 марта 2012

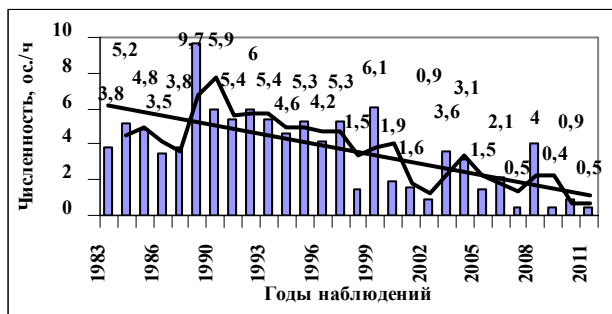
Из врановых в Западном Тянь-Шане отмечено 12 видов. Сорока *Pica pica bactriana*, альпийская галка *Pyrrhocorax graculus*, клушица *P. pyrrhocorax*, галка *Corvus monedula*, грач *C. frugilegus*, чёрная ворона *C. corone orientalis*, пустынный ворон *C. ruficollis* и ворон *C. corax* здесь гнездятся; серая ворона *C. cornix* – зимует; кедровка *Nucifraga caryocatactes*, сойка *Garrulus glandarius* и даурская галка *Corvus dauuricus* – известны по нескольким встречам.

Сойка *Garrulus glandarius brandtii* Eversmann, 1842

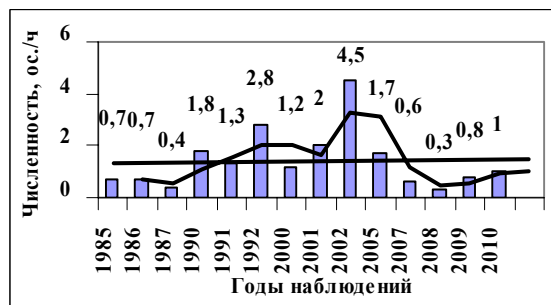
Сойка в Западном Тянь-Шане встречена лишь один раз – 10 сентября 1968 одиночная птица пролетела на юго-запад в районе перевала Чокпак (Гаврилов, Гисцов 1985).

Сорока *Pica pica bactriana* Bonaparte, 1850

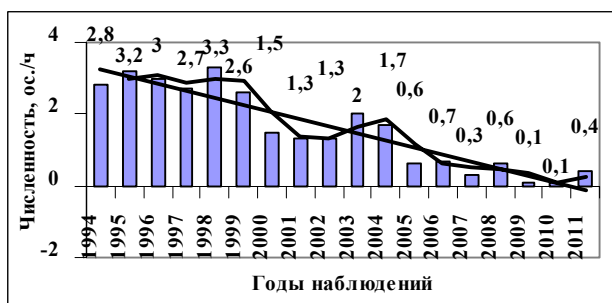
До высокогорья в Западном Тянь-Шане сорока оседло живёт повсеместно. В начале XX века в Таласском Алатау она встречалась спорадично и нерегулярно гнездилась в населённых пунктах. Р.Н. Мекленбурцев за три года жизни в городе Чимкенте наблюдал её лишь однажды в 20 км от города и не нашёл в селе Новониколаевка (ныне Жабагылы) в 1926 году, где она уже была в 1933 (Шульпин 1953). С 1980-х годов сорока обычна по периферии и в самом городе, где нормально гнездится. Летом в 1940-1960-х годах она отсутствовала в селе Новониколаевка, была обычна у нижней границы лугостепного пояса и редка в арчовом лесу (Шевченко 1948; Ковшарь 1966). Малочисленность вида в этот период связывали с проводимой до 1964 года борьбой с хищными и врановыми птицами, когда за лапки добытых птиц и разорённые гнёзда выплачивали денежное вознаграждение. С 1948 года только на территории заповедника Аксу-Джабаглы борьба велась на протяжении 15 лет. По данным Летописи природы, только в 1961-1963 годах отстрелено 119 перепелятников *Accipiter nisus* (разорена кладка из 6 яиц), 2 тетеревятника *Accipiter gentilis*, один ворон, два грача, 6 клушиц, 14 чёрных и 22 серые вороны, 123 сороки (разорено 20 гнёзд и изъято 77 яиц).

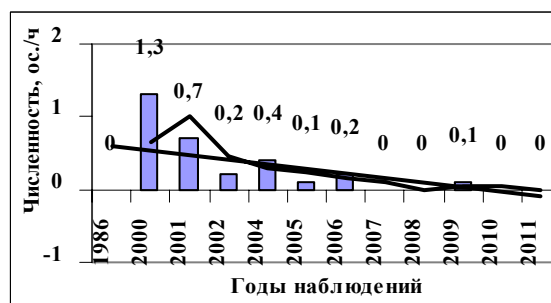
Арчовый лес ущелья Кши-Каинды
(1750-1850 м н.у.м.)

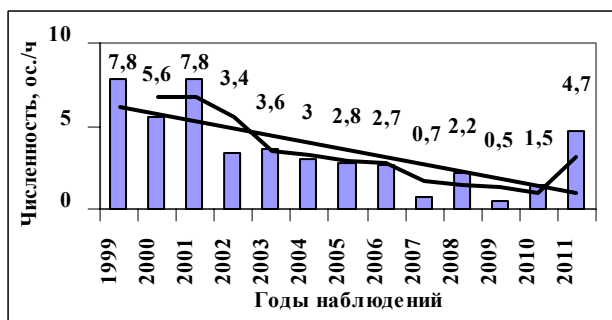
Арчовый лес урочища Чуулдак
(1900-2000 м н.у.м.)

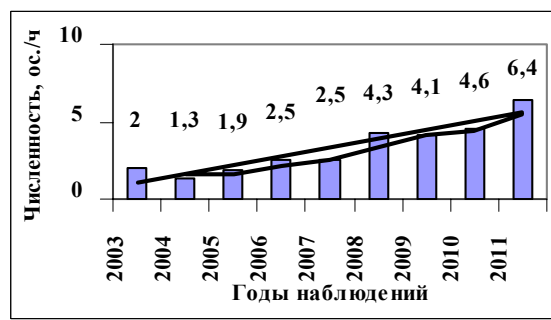
Тугайный лес ущелья Талдыбулак
(1250-1500 м н.у.м.)

Каньон реки Аксу
(1500-1800 м н.у.м.)

Окрестности села Жабагылы
(1100-1200 м н.у.м.)

Село Жабагылы
(1100 м н.у.м.)

Рис. 1. Динамика численности сороки в Таласском Алатау (апрель – июль).

С 1980-х годов сорока – обычный вид сёл, лесопосадок вдоль шоссе- ских и железных дорог, лиственных (как в горах, так в предгорьях) и арчовых лесов. С 1983 года её численность не постоянна и была заметно выше в 1980-е, а с начала XXI века росла только в населённых пунктах (рис. 1). Наиболее существенные изменения произошли в последние два периода. В арчовых лесах Кши-Каинды число сорок с 1980-х годов по десятилетиям только сокращалось (5,9, 4,7 и 1,7 особи в час) и более существенно с конца 1990-х. В тугайных лесах ущелья Талдыбулак численность вида в начале XXI века по сравнению с концом XX упала в 3 раза (с 2,7 до 0,8), а в предгорной степи в окрестностях села Жабагылы – в 2 раза (6,7 и 3,0). Единственным местом постоянного её увеличения с 1980-х по 2005 было урочище Чуулдак (с 0,7 до 4,5), где сорока отсутствовала до 1965 года (Ковшарь 1966). Но и здесь с 2005 года идёт заметная депрессия численности вида.

Как шла флуктуация численности сороки, рассмотрим на примере арчового леса Кши-Каинды, где с 1983 года её максимум наблюдали в 1989 году и минимум – в 2007 (9.7 и 0.4 ос./ч). Вплоть до 1998 года незначительные изменения фиксировали ежегодно, и перепады составляли не более 1.7 раз (1983 и 1984 годы с 3.8 до 6.5). С 1997 по 2002 год численность ежегодно сокращалась в 1.3 раза (с 5.4 до 0.8), к 2003-2004 годам возвратилась на уровень 1983 года (3.6) и вновь упала в 2005-2011 годы (2.1-0.4). Подобное наблюдали и в ущелье Талдыбулак, где с 1994 по 2011 год число гнездящихся особей сократилось в 10 раз (3.3-0.3). Ранее было высказано предположение, что уменьшение сорок в предгорьях на отрезке село Жабагылы – ущелье Талдыбулак в 1999 и 2000 годах связано с вырубкой деревьев (Чаликова 2001). Однако снижение продолжилось и в дальнейшем, и особенно заметно на территории заповедника Аксу-Джабаглы, где биотопы на протяжении более чем 85 лет находятся почти в неизменном состоянии. Поэтому здесь имеет место другая причина, о чём говорилось в начале 1990-х годов – наличие кормовой базы в зимний период в местах стойлового содержания домашнего скота, что и способствовало лучшей выживаемости вида (Ковшарь, Чаликова 1992). С середины 1990-х поголовье скота у местного населения сократилось, зимой он содержится в населённых пунктах, кормление силосом и комбикормами ограничено или ведётся в закрытых помещениях.

В низкогорных отрогах Таласского Алатау сорока тоже более обычна рядом с человеком. О плотности гнездования вида в 2002 году вне населённых пунктов можно судить по числу зарегистрированных старых гнёзд: 2 – по ручью Тобылбулак, 10 – в урочище Каракус и 15 – в ущелье Даубаба. Не постоянна численность сороки в одних тех же местах. Так, если в ущелье Боранчи летом 2004-2006 годов она составляла 1.3-1.5 ос./ч, то в 2007-2010 сорока здесь отсутствовала. В июле 2008 её было очень много в районе летних лагерей отдыха в каньоне Машат (10.7 ос./ч), но в мае 2005 и 2007 годов до открытия зоны отдыха намного меньше (1.3 и 0.9).

Флуктуацию численности сороки наблюдали и в других хребтах Западного Тянь-Шаня. В середине XX века эта птица спорадично и редко встречалась по долинам рек Пскем и Угам, в Каржантау, где гнездилась в садах предгорий, в тугаях вдоль рек и по склонам гор до арчовника, но отсутствовала в галерейных высокоствольных лесах (Корелов 1956). В Чаткальском заповеднике в этот же период и в 2001-2003 годах она была обычна в древесно-кустарниковом поясе, хотя в 1994 году её не всегда отмечали в подобных биотопах (Железняков, Колесников 1958; Лановенко 1997; Митропольский 2005). Летом 2002 года по долине реки Пскем ниже 2500 м н.у.м. сорока была повсеместно многочисленна (В.Ковшарь 2003). В 2003 году по северным склонам

Угамского хребта и по Каржантау вид распределен неравномерно, обычен лишь в населённых пунктах и их окрестностях. В горах сорока более многочисленна в садах долины реки Угам (июль 2003 года – 11.0, май 2011 – 1.7 ос./ч) и ущелья Бадам (10.0), редка – по гребням Казгурта (0.7) и Каржантау (0.9), отсутствует в верховьях реки Бадам. В других местах она обычна и встречается до высоты 2500 м н.у.м. Интересные данные получены по двум соседним ущельям – Сайрамсу и Каскасу – Угамского хребта. В первом находится зона отдыха, где летом ежедневно в палатках и вагончиках проживает до сотни человек, второе посещается отдыхающими только в воскресные дни, а в его верховьях (субальпийский пояс) выпасают скот. За всё время пребывания в ущелье Сайрамсу с 17 по 19 июля 2003 встретили одну сороку и не нашли ни одного её старого гнезда. В ущелье Каскасу в период с 15 по 16 июля 2003 её численность по сравнению с 23-25 мая (скот ещё не выпасался) выросла в 2 раза (с 1.3 до 2.7 ос./ч). Через год в первом ущелье в эти же сроки встретили 9 птиц, но гнёзд так и не нашли, а 18 июля 2008 во втором ущелье вид отсутствовал. В ущелье Сарыайгыр, расположенном между этими местами, разница по численности вида в июле 2008 года и в мае 2011 не существенна (4.2 и 3.1 ос./ч).

В Каратау сорока в 1926 году в населённых пунктах предгорий была редка, в 1941 – отсутствовала (Шапошников 1931; Долгушин 1951), а позже именно в таких местах была наиболее многочисленна (окрестности города Кентау, сентябрь 2010 – 1.5 ос./ч). В горах в первой половине XX века сорока обыкновенна во всех ущельях с ясеневыми лесами, в том числе и в ущелье Беркара, где с 1980-х годов гнездится не более 1-2 пар (Гаврилов, Колбинцев 2004). В ущелье Боялдыр с ясеневыми лесами 9-12 сентября 2002 трёх птиц видели только в его нижней части и не нашли ни одного старого гнезда. В сентябре 2010 года в местах выпаса коров и лошадей сорока была редка (ущелье Хантаги – 0.1 ос./ч) и обычна рядом с овцами и козами (ущелье Курсай – 1.0). Именно в последнем месте и нашли её единственное гнездо. В предгорной зоне этого района рядом с населёнными пунктами численность вида выше (1.5). Летом сорока обыкновенна в ущельях с боярышниковыми лесами и предпочитает редколесье. Именно на этой лесообразующей породе она чаще всего строит свои гнёзда, а в горельниках использует мёртвые деревья, игнорируя стоящие рядом живые. В 1941 году сорока предпочитала ясень, яблоню, клён, персидскую рябину и урюк, т.е. породы с густой и сомкнутой кроной (Долгушин 1951). В глубине ущелий она более обычна только в Боролдайтау (ущелье Кокбулак август 2002 – 1.2 ос./ч, июль 2008 – 0.5, апрель 2010 – 2011 – 1.0 и 0.2). В других частях Каратау сорока редка, как и 70 лет назад, но обыкновенна на выходе из них и особенно рядом с человеком (озеро Балыкты июль 2008 – 3.8 и апрель 2011 – 3.0 ос./ч).

Таким образом, на протяжении последних трёх десятилетий сорока, приспособившись к жизни рядом с человеком, увеличила свою численность, которая регулируется наличием кормов в зимний период. Ранее высказывалось предположение о вытеснении сороки майной *Acridotheres tristis* из ряда совместных мест проживания (Лановенко 1994), но мы подобного не наблюдали.

Круглогодично сороку в Таласском Алатау можно встретить повсеместно (рис. 2). В населённых пунктах она особенно многочисленна зимой – с ноября по март (от 10.0 до 21.3 на начало и конец декабря, в среднем 14.4 ос./ч). С началом снеготаяния сорока постепенно откочёвывает в горы, периодически возвращаясь к жилью человека в поисках корма (7.4 – середина марта – начало апреля). С середины апреля по сентябрь численность вида стабильна (1.5 – середина июля, 4.6 – начало сентября, в среднем 3.6), а к сентябрю повышается в 2.5 раза (7.4 – середина сентября, 9.3 – конец октября, в среднем 8.6 ос./ч).

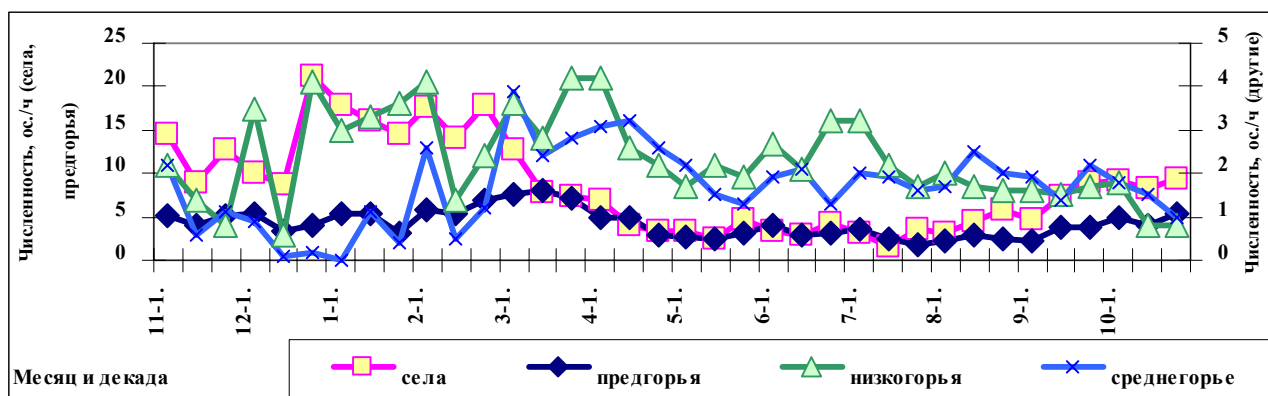

Рис. 2. Сезонная динамика численности сороки в Таласском Алатау.

В лиственных лесах предгорий сорока более многочисленна с февраля по март (5.4 – середина февраля и 8.1 – середина марта, в среднем 6.8 ос./ч, рис. 2), когда откочевавшие из населённых пунктов особи ещё не поднялись в горы. К апрелю пары заканчивают выбор гнездовых участков и с конца месяца до середины мая (периода насиживания и вылупления птенцов) из-за постоянного нахождения одного из партнёров в гнезде, численность вида уменьшается почти вдвое (соответственно, в среднем с 5.0 до 2.8). С конца мая по июль молодые держатся рядом с гнёздами, лишь незначительно повышая общую численность (2.9 и 4.1 середина и начало июня, в среднем 3.4). С середины июля и до сентября число сорок падает (1.7 конец июля и 2.9 середина августа, в среднем 2.3), так как они начинают совершать более дальние кочёвки. Например, сорока, окольцованная птенцом в гнезде в начале мая, была отловлена в августе в 17 км от места рождения. Осенью число особей в предгорьях вновь повышается за счёт птиц, спустившихся с гор, достигая максимума к концу октября (5.4 с 3.7 в

середине сентября, 4.2) и до середины февраля держится на одном уровне (3.1 конец января и 5.7 начало февраля, в среднем 4.8 ос./ч).

В предгорьях, помимо естественных лиственных лесов, существенные площади занимают искусственные посадки между сельскохозяйственными угодьями, вдоль автомобильных и железнодорожных дорог. Именно в этих местах в период гнездования численность сороки самая высокая: апрель – 38.3, май – 20.1 ос./ч. Зимой и летом она встречается здесь крайне редко, а с августа по октябрь число особей чуть ниже, чем в населённых пунктах (соответственно, 6.4 и 7.6 ос./ч).

В лиственных лесах низкогорий максимум встреч вида приходится на конец марта – начало апреля (4.2 ос./ч, рис. 2) – время задержки сорок перед поднятием в горы. По этой же причине число особей не стабильно и зимой (0.6 середина декабря – 4.1 конец декабря и начало февраля, в среднем 2.8). Период стабилизации наблюдается дважды: в период гнездования (1.7 начало мая и 2.7 начала июня, 2.2) и в период послегнездовых кочёвок (2.2 середина июля и 1.5 середина сентября, 1.8). Небольшое повышение численности сороки идёт с конца июня и до середины июля (3.2, за счет молодёжи из предгорий) и снижение в октябре (0.8 ос./ч, откочёвка основной части популяции в населённые пункты).

В среднегорьях сорока придерживается высокоствольного арчовника и лишь в незначительном числе встречается по лиственным тугаям вдоль рек. В этом поясе гор её численность самая низкая и достигает максимума в период выбора мест гнездования (3.9 начало марта и 2.2 начало мая, в среднем 3.1 ос./ч) и минимума зимой (0.5 декабрь – январь, рис. 2). С началом откладки яиц и до начала осенних кочёвок число сорок стабильно (1.3 конец мая – 2.1 середина июня, 1.7), позже вплоть до декабря изменчиво (2.5 середина августа – 0.6 середина ноября, 1.7), но в среднем соответствует гнездовому периоду. Это свидетельствует о постоянстве состава популяции в среднегорье в течение большей часть года.

Весеннее оживление сорок заметно уже с февраля. И хотя самцы по-настоящему не поют, а издают лишь похожее на песню стрекотание (самые ранние 24 января 2000, обычно первая половина февраля), последнее слышно вплоть до начала насиживания. Именно по нему в это время легче всего найти гнездо. Гнездовые участки и субстрат, на котором гнездо расположено, сравнительно постоянны (обследовано 346 гнёзд). На гнездовом дереве находили от одного (15) до трёх старых гнёзд (1). Чаще старые гнёзда находили на соседних деревьях в 4-5 м от места строительства нового. Трижды сорока использовала для гнездования прошлогоднее гнездо, обновив выстилку и отремонтировав крышу, дважды – строила на том же месте, где обвалилось старое и 8 раз использовала крышу старого гнезда в качестве фундамента нового.

Взамен разорённого гнезда птицы строят новое и откладывают в него повторную кладку.

О плотности гнездования сороки и о постоянстве выбора одного и того же места гнездования, можно судить по следующим наблюдениям. В арчевом лесу Кши-Каинды и Чуулдак было заложено 13 постоянных площадок площадью в 1 га, на которых в течение гнездового сезона наблюдали за гнёздами всех видов птиц. С 1982 по 1991 год сорока жила на пяти из них, расположенных в первом ущелье (Чаликова 2007). Ежегодно на 5 га гнезилось 2 (1982, 1984-1987, 1990, 1991), 3 (1988) и 4 пары (1983). На одной площадке пара жила в течение 6 лет подряд (1982-1987), на другой – с перерывом (1983, 1985-1988 и 1991), причём дважды (1983 и 1987) строила повторно новые гнёзда взамен разорённых. На третьей площадке сорока жила 5 лет (1983, 1984, 1988, 1990 и 1991), а на других – по 2 (1982, 1983) и 3 года (1988, 1990, 1991). В итоге на 74 га в течение 9 лет средняя плотность гнездования вида в арчевом лесу составила 0.27 пары на 1 га (от 0.0 в 1989 до 0.8 в 1983 и 1991 годах).

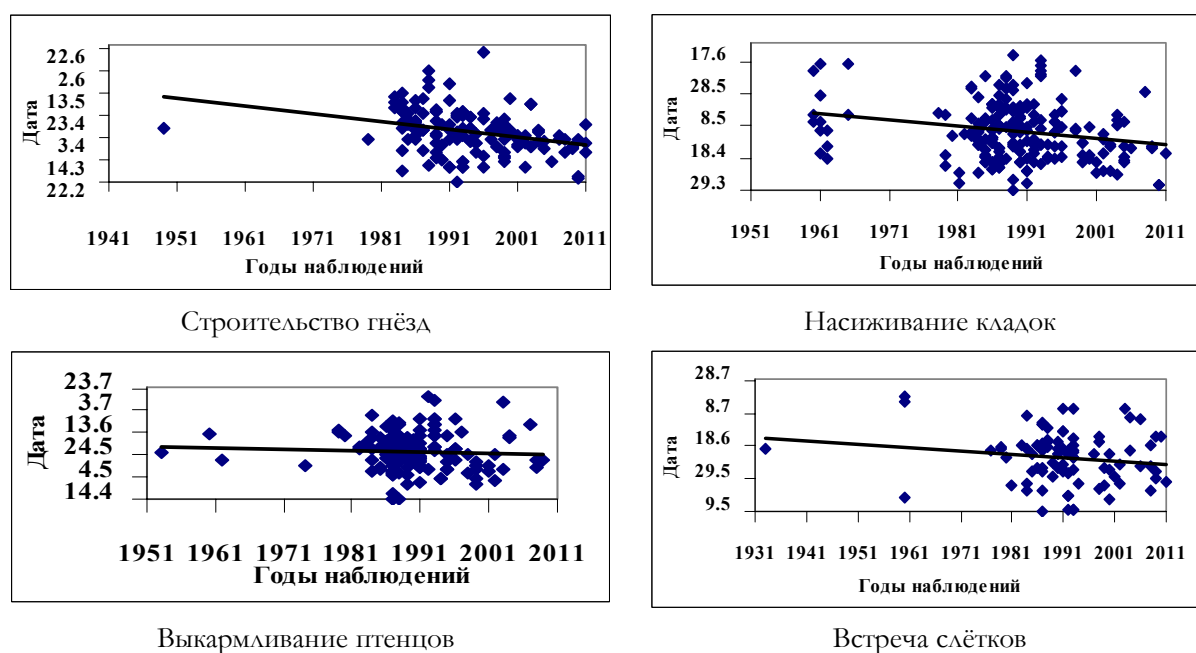

Рис. 3. Динамика основных фенологических явлений в жизни сороки в Таласском Алатау (использованы данные Летописи природы заповедника Аксу-Джабаглы).

Сроки начала строительства гнёзд зависят от места гнездования. В населённых пунктах самая ранняя встреча сороки со строительным материалом – 22 февраля 1992 и самая поздняя – 18 июня 1996, в предгорьях – 25 февраля 2010 и 3 мая 2003, в низкогорьях – 8 марта 1993 и 10 мая 1983, в среднегорье – 2 апреля 1985 и 1 июня 1988. За полвека наблюдений сроки строительства гнёзд изменились. Переход к гнездованию в населённых пунктах и в предгорьях позволил сороке приступить к нему на месяц раньше (рис. 3).

С учётом выбора места гнездования меняется и субстрат, на котором строится гнездо. В населенных пунктах это самые высокие деревья – тополь (56% от всех описанных здесь гнёзд), ива, сосна, клён; или же колючие – боярышник (по 11%), что связано с защитой гнёзд от разорения. Высота расположения гнёзд колебалась от 3 до 12 м над уровнем земли. В предгорьях выбор деревьев определяется основной лесообразующей породой того или иного участка леса, но чаще – труднодоступностью для разорения. Поэтому более половины гнёзд найдено на боярышнике (53%), карагаче (18%), акации (7%), а также на яблоне (10%), иве (7%), сливе (2%), груше, тополе и крушине (по 1%). Высота расположения гнёзд зависела от высоты субстрата, но не превышала 6 м (яблоня) и была не ниже 1 м (боярышник). Основную часть гнёзд нашли на высоте до 3 м (52%), меньше – до 4 м (23%), до 2 м (20%) и выше 4 м (5%). В низкогорьях выбор субстрата для гнезда такой же, что и в предгорьях: боярышник (72%), яблоня (6.7%), миндаль (4.8%), тополь (3.8%), клён и маголепская вишня (по 2.9%), ива, ясень и жимолость (по 1.9%), карагач (1.0%). И здесь высота расположения гнёзд не превышала 6 м (ива), но была не ниже 1.8 м (боярышник), чаще от 3 до 4 м (34%), 2 м – 3 (28%), выше 4 м (21%) и ниже 2 м (17%). В среднегорьях состав и предпочтение субстрата под гнездо меняется. Под его устройство чаще используется арча (70%), в которой найти гнездо можно только раздвинув крону. За ней следует боярышник (15%), жимолость (5.7%), яблоня (4.1%), барбарис (3.3), слива (1.6), маголепская вишня и рябина (по 0.8%). Дважды сорока строила гнёзда на перекладине под крышей веранды полевой базы, в которой отсутствовали стекла. Гнёзда на деревьях не находили выше 5 м (арча) и ниже 1 м (арча, жимолость). Основная часть гнёзд была расположена до 2 м (51%); до 3 м (33%), 4 м (10%) и выше 4 м (6%).

Гнездо представляет собой прочное шаровидное сооружение из сухих веток, перевитых травой. Изнутри стенки обмазываются глиной, а лоток выстилается корешками и травой. Иногда в нём находили сухие листья, перья, фантики от конфет, целлофан, фольгу, моток ниток, вату. Вход делается сбоку, причём как на арче, так и на боярышнике предпочтение отдаётся южному (соответственно 44 и 46%) и северному (28 и 36%) направлениям, затем западному (11 и 9%) и восточному (11 и 9%). Сверху гнездо прикрывается навесом-крышей, которая не всегда скрепляется с основной его частью. В гнёздах, построенных в арче, крыша может совершенно отсутствовать (4.7%). Иногда ветки, предназначенные для крыши, втыкались в густую крону и совершенно не соприкасались с основной постройкой. Подобное наблюдали и в обычных гнёздах, и именно по таким веткам легко находили новые гнёзда. На одном из боярышников крыша была построена на ветке, нависающей (40 см) над гнездом. Крыша двух гнёзд была сделана из сухих стеблей

цикория, тогда как основная его часть – из сухих веток деревянистых растений. Размеры гнезда, см: наружный диаметр 25-48 (в среднем 33-41), диаметр лотка 14-25 (18-22), высота гнезда 19-28 (25), глубина лотка 9-15 (12), высота крыши 15-40 (20).

Продолжительность строительства гнёзд различна и зависит от сроков его начала (чем раньше начато, тем дольше строится) и от погодных условий (стенки лотка, вымазанные глиной, должны просохнуть). Начало кладки в гнёзда, утроенные на лиственных породах деревьев и кустарников, совпадает с началом распускания листьев. Нам не удалось выяснить продолжительность строительства гнёзд, но в одно из них, на наш взгляд полностью готовое уже 27 марта, первое яйцо отложено через 20 дней (15 апреля), во второе – через 8 (21 марта и 29 марта). Обычно постройка гнезда занимала от 4 до 13 дней, а откладка яиц начиналась через 2-8 дней после окончания строительства. Ещё пример: 30 апреля закладывается «фундамент» (кучка беспорядочно наброшенных палок), 4 мая принесён первый кусок глины, 5 мая над лотком набросано несколько веточек для крыши, 12 мая в лотке отсутствует выстилка, 26 мая самка насиживает кладку из 5 яиц, 12 июня вылупляется первый из трёх птенцов.

Спаривание у сорок наблюдали после окончания постройки гнезда. Вероятно, этим и объясняется то, что между окончанием строительства и появлением первого яйца проходит несколько дней. Кладки в гнёздах, построенные в населённых пунктах, находили с 1 апреля по 17 мая, в предгорьях – с 29 марта по 26 июня, в низкогорьях – со 2 апреля по 16 июня, в среднегорьях – с 19 апреля по 18 июня. По сравнению с серединой XX века, через 40 лет насиживание кладок стало начинаться на неделю раньше (рис. 3), что, несомненно, связано с освоением видом населённых пунктов. Полная кладка сороки содержит 2-8 яиц (в среднем 5.3): по 2 яйца – 8 гнезд, по 3 – 18, по 4 – 28, по 5 и 6 – 49, по 7 – 40 и по 8 – 4. Средняя величина кладки, отложенной до середины мая, составила 5.4 яйца, позже – 4.6. Отметим, что в 1960-е годы, когда велась борьба с врановыми, средняя величина кладки была 6.4 яйца (Гаврин 1974). Размеры яиц ($n = 125$), мм: 20.0-38.0×15.0-34.0, в среднем 24.3×34.0. С учётом насиживания их вес ($n = 55$) колебался от 8.0 до 10.9 г и в среднем составил 9.7 г.

Ежедневно самка кладёт одно яйцо. В 55 случаях, удалось определить дату появления первого яйца. Крайние сроки 29 марта и 31 мая. По декадам это выглядит так: в конце марта начато 3.6% кладок, в апреле – 9.1, 49.0 и 15.0%, в мае – 15.0, 5.5 и 3.6%. Насиживание начинается с первого яйца или с середины кладки, поэтому и длится от 17 до 19 сут. В 14 гнёздах застали вылупление первого птенца (6 мая – 15 июня). На первую-вторую декаду мая пришлось по 4 вылупления и с конца мая до середины июня – по два. Сроки находок птенцов растя-

нуты. В населенных пунктах их находили с 14 апреля по 29 мая, в предгорьях – с 14 апреля по 11 июня, в низкогорьях – с 14 апреля по 26 июня, в среднегорьях – с 6 мая по 16 июля. Несмотря на переход к более ранним срокам строительства гнёзд и начала откладки яиц, сроки выкармливания птенцов почти не изменились, что связано с их рационом, основу которого составляют насекомые (рис. 3; Чаликова 2009). Массовое выкармливание птенцов идёт со второй декады мая по первую декаду июня (73%, от гнёзд с птенцами), реже в начале мая и до конца июня (11 и 13%), очень редко в конце апреля и в июле (по 1%). Пары выкармливали от 1 до 7 птенцов, в среднем 4.1 (по 1 птенцу в 6 гнездах, по 2 – в 12, по 3 и 6 – в 15, по 4 – в 35, по 5 – в 29 и по 7 яиц – в 4 гнёздах). Среднее число птенцов у пары, отложившей кладку до середины мая, составило 4.3, а позже – 3.7. С учётом же сроков выкармливания птенцов оно убывало с апреля по июль с 5.0 до 2.9 птенца на гнездо.

Птенцы в гнезде находятся от 22 до 28 дней, но в случае опасности могут покинуть его и раньше. Старшие перед вылетом на время выпрыгивают из него, выжидая очередную порцию корма на его крыше или на соседних ветках. Сроки первых встреч слётков разнятся. В предгорье их не отмечали ранее 9 мая, в низкогорье – 10 мая и в среднегорье – 1 июня. Среднее число слётков у одной пары составило 3.8 (по 1 слётку – 5 пар, по 2 – 7, по 3 – 12, по 4 – 20, по 5 – 17, по 6 – 4 и по 7 слётков – 2 пары) и оно не отличалось у птиц, отложивших яйца до середины мая и позже (3.9 и 3.8). После вылета слётки в течение недели держатся в районе гнезда, отлетая от него всё дальше и дальше: в первые дни обычно не далее 5 м, через 6 дней расстояние увеличивается до 50 м.

Известно, что число брошенных и разорённых гнёзд сороки ниже, чем тех, из которых успешно вылетели птенцы (соответственно 13, 41 и 79). При этом выживаемость гнёзд выше в низкогорье, чем в предгорье и среднегорье (соответственно 70, 58 и 58%), брошенных гнезд – в среднегорье (6, 6 и 12%) и разорённых – в предгорье (24, 36 и 30%). В 136 гнёздах отложено 652 яиц, из которых вылупилось 382 птенца и вылетело 275. Успешность размножения составила 42.2%. 14 кладок содержали от 1 до 6 болтунов (1 кладка по 6, 2 – по 3, 3 – по 2 и 8 – по 1 неоплодотворённому яйцу). Болтуны были крупнее оплодотворенных яиц (в среднем 25.1×35.1 мм по сравнению с 24.3×34.0 мм). По одному задохлику нашли в 3 кладках. 8 гнёзд брошено в стадии строительства, 3 – в период кладки (отложено 2, 2 и 6 яйца) и 2 – в период насиживания (по 6 яиц). В 29 гнёздах разорена кладка, в 16 – погибли птенцы. Основными разорителями гнёзд являлись человек и полоз.

По фенологии размножения сороки в других местах имеются следующие сведения. В Малом Каратау выводки встречали с 9 июня 1941

(Долгушин 1951), птенцов в гнездах находили до 7 июня 1991 и слётков встречали с 28 мая 1993 (Гисцов, Карпов 2000).

Старые гнёзда сорок занимают чеглок *Falco subbuteo* (10 случаев), обыкновенная пустельга *Falco tinnunculus* (2 случая), вяхирь *Columba palumbus* (1), ушастая сова *Asio otus* (15), сплюшка *Otus scops* (3) и майна *Acridotheres tristis* (5). Сама же сорока является основным разорителем гнёзд других видов птиц, чаще дроздов – чёрного *Turdus merula* и дерябы *T. viscivorus*, кеклика *Alectoris chukar* и серой куропатки *Perdix perdix*.

Кедровка *Nucifraga caryocatactes rothschildi* Hartert, 1903

В начале XX века кедровка «в ничтожном количестве» гнездилась в верховьях реки Падыша-Ата (Зарудный 1910). В 1960-х годах она отнесена к числу редких оседлых птиц окрестностей озера Сары-Челек (Воробьёв, Чичикин 1966). 4 июля 2005 в этом районе в ущелье Ой-Алма видели 4 птиц (Остащенко 2005). Больше упоминаний о встрече кедровки в Западном Тянь-Шане нет.

Клушица *Pyrrhocorax pyrrhocorax brachyurus* Swinhoe, 1871

Вид немногочислен в высокогорьях Западного Тянь-Шаня. В Таласском Алатау клушица в середине XIX века не гнездилась, в 1926 году встречена всего два раза, в 1933-1935 была редка и распространена спорадично (Шульпин 1953). К 1960-м годам численность клушицы возросла (немногочисленна в альпийском поясе) и на кочёвках она встречалась стаями по 15-50 особей (Ковшарь 1966). К 1980-м годам клушица стала редка, её видели исключительно одиночными парами и чаще осенью. Летом в середине 1990-х годов за одну экскурсию встречали уже более десятка особей, а в ущелье Каскабулак 9 августа 1997 – полсотни. В начале XXI века намечилось новое сокращение её численности. Летом 2003 года, несмотря на регулярные посещения высокогорий, одиночка встречена дважды в цирке Каскабулак и пара – в верховьях реки Улькен-Аксу, тогда как в 2001 году от 2 до 18 птиц в день отмечали повсеместно (перевалы Кши- и Улькен-Каинды, Байдаксай, Каскабулак, Казанчукур, Коксай). По паре клушиц в 2008-2011 годах гнездилось в районе перевала Кши-Каинды и в 2010-2011 годах – в расщелине скал у озера Коксай.

Флуктуации численности клушицы заметны и по другим территориям. В первой половине XX века в долинах рек Чаткал, Пскем, Угам, в районе озера Сары-Челек клушицу встречали стаями до несколько сотен особей (Кашкаров 1927; Корелов 1956; Железняков, Колесников 1958), в 2001-2002, 2005 годах – преимущественно парами (В.Ковшарь 2003; Митропольский 2005; Остащенко 2005). Летом 2003 года на Угамском хребте по паре клушиц видели в верховьях ущелий Сайрам-

су, Каскасу, Арабийик и в долине реки Майдантал, причём в верховьях первого в 2005 году она отсутствовала. В июле 2008 году в течение двух часов пару птиц наблюдали в верховьях реки Улар.

В Таласском Алатау клушица круглогодично придерживается альпийского пояса, хотя периодически спускается вниз. Зимой 1934 года её одиночками, парами и реже тройками встречали в нижней части ущелья Джабаглы. Иногда она спускалась в предгорья, где вместе с грачами и галками кормилась у скирд семенами (Шульпин 1953). В 1950-х годах в первой половине апреля уже видели вместе до 50 особей. Стаями в низкогорьях её продолжали встречать зимой и в 1960-х годах (Ковшарь 1966). Позже численность клушицы заметно упала. С 1982 года зимой по паре птиц встречено в январе, декабре и одиночка – в январе (Чаликова 2008), весной в низкогорье и среднегорье – по паре (в марте). В средней части гор одиночек дважды отметили в апреле и сентябре, трижды – в июле. В высокогорьях клушицу видели с мая по октябрь (время доступности посещения). Здесь их самая высокая численность была в конце сентября, октября (по 0.9 ос./ч) и в июле (0.6), низкая – в другое время (не выше 0.2). В августе-сентябре в 1940-60-х годах встречали стаи от 15 до 70 птиц (Ковшарь 1966).

Гнёзда клушица устраивает в скалах, что делает их недоступными для осмотра. В Таласском Алатау 8 июня 2010 и 6 июля 2011 у озера Коксай видели пару птиц, носивших корм в расщелину скалы. Вылет молодых отмечали 14 июня, а 27 июня взрослые ещё кормили слетков. В июле молодые все ещё держались в стаях вместе со взрослыми (Ковшарь 1966). В районе озера Сары-Челек двух молодых птиц добыли 7 июля 1952 (Кашкаров 1927). В 1950-х годах по долине реки Пскем молодые преобладали в стаях с конца июня (Корелов 1956).

Альпийская галка *Pyrrhocorax graculus forsythi* Stolizka, 1874

По высокогорьям Западного Тянь-Шаня альпийская галка гнездится спорадично. Для неё характерны значительные колебания численности. В Таласском Алатау в 1926 году она была многочисленна, встречаясь большими стаями. В 1933 году её отмечали повсеместно, но стаями только осенью, в 1935 году она отсутствовала там, где её видели прежде (Шульпин 1953). Зимой в 1940-х годах при обильных снегопадах альпийские галки спускались на ночёвку в село Новониколаевка (Шевченко 1948), но ни до, ни после подобное не наблюдали. В 1960-х её численность превышала численность клушицы в 3-4 раза (Ковшарь 1966). Такое соотношение видов летом в районе перевала Кши-Каинды наблюдали в 2001-2009 годах, тогда как в 1984-1987, 1997, 2000 и 2010-2011 численность этих двух видов была примерно одинаковой. По высокогорьям долины реки Джабаглы с мая по август 2001-2003 на 860 встреченных альпийских галок пришлось только 25 клу-

щиц. По результатам встреч с декабря по апрель в ущелье Талдыбулак за 20 лет наблюдений (1984-1987 и 1994-2011) альпийскую галку не встречали в течение 14 лет (1985-1986, 1994-1998, 2005-2011) и нашли особенно многочисленной зимой 1998/99 года. Стаи птиц от 100 до 200 (в среднем 37) особей в 1994-2004 году отмечали в течение 9 экскурсий из 40. Таким образом, показателем депрессии вида служит его отсутствие зимой в предгорьях, что наблюдали в 1935, 1985-1986, 1994-1998, 2005-2011 годах.

Заметные колебания численности альпийской галки происходят на Пскемском и Угамском хребтах, где в середине XX века она была редка, встречалась парами и не присоединялась к многочисленным стаям клушиц (Корелов 1956). В этот же период и в 2001-2002 годах она отсутствовала в Чаткальском заповеднике (Лановенко 1997; Митропольский 2005). Правда, в 2002 году на одноимённом хребте наблюдали небольшие группы по 5-10, реже до 20 птиц, а в Пскемском – даже сотенные стаи (В.Ковшарь 2003). Многочисленна она была летом 2003 года и на Угамском хребте. В ущелье Каскасу 25 мая вместе встречено 15 птиц, а 16 июля – 200. В июле-августе стаи до 50 особей отмечены в ущельях Сайрамсу, Арабийик, в долине реки Майдантал. В целом же на 738 альпийских галок пришлось только 14 клушиц, а в окрестностях заповедника Сары-Челек в 2005 году - 29 и 8 (Осташенко 2005). В Каржантау летом 2003 альпийская галка отсутствовала, но и в 1961-1962 годах была редка (Капитонов 1969). Осенью на кочёвках крайне редко альпийских галок встречали в районе перевала Чокпак (Гаврилов, Гисцов 1985).

В течение года альпийские галки совершают вертикальные кочёвки. В гнездовое время они спускаются до высокоствольного арчовника, с осени по весну – до предгорий. Многочисленны они в первом месте в конце апреля (4.7 ос./ч), во втором – в январе и марте (1.0 и 1.8). Низкогорья галки посещают до начала мая (0.02), в большем числе в феврале и апреле (10.0 и 7.8), меньше – в декабре, марте и январе (6.0, 4.0 и 2.0). Осенью повсеместно регистрировали единичные встречи. К августу в высокогорьях с началом кочёвок молодых численность альпийской галки заметно увеличивается (4.4), хотя до и после она более стабильна (от 0.6 в июне до 1.0 в июле, в среднем 0.8 ос./ч).

Круглый год альпийские галки предпочитают держаться стаями. Одиночки и пары составляют не более 17% от всех встреч (41 из 238), половина из которых пришлась на май-июль (21). Небольшие группы птиц до 5 и до 10 особей (13 и 21%) чаще встречали в апреле-августе (61 встреча из 80), группой до 20 птиц (12.2%) – ежемесячно (5 в августе из 29). Стаи до 50 особей (18.5%) характерны для марта, апреля, июля и августа (28 из 44), до 100 (12.6%) – для марта и апреля (12 из 30), а стаи до 200 птиц (4.6%) видели только в феврале-апреле (9).

Дважды в апреле отмечена стая из 300 птиц, а 3 апреля 1983 в верховьях ущелья Талдыбулак – из 500. В 1960-х годах галки только к зиме сбивались в стаи не менее 100 особей, а на кормёжке в каньоне Аксу иногда собиралось вместе до 1000 птиц (Ковшарь 1966).

Гнездятся альпийские галки колониями в скалах альпийского пояса гор, в недоступных для посещения человеком местах. Поэтому сведения о размножении вида очень скудны. Брачную активность наблюдали с конца марта, летающих молодых – в конце июня (Корелов 1956; Ковшарь 1966). В Чаткальском хребте в начале августа взрослые ещё кормили птенцов в гнёздах (Лановенко 1995). 8 октября 2002 в ущелье Топшак видели особь с белыми крыльями.

Обыкновенная галка

Corvus monedula monedula Linnaeus, 1758

Обыкновенная галка многочисленна на пролёте и обычна зимой в предгорьях Западного Тянь-Шаня. В Таласском Алатау в 1930-х годах она лишь изредка и спорадично гнездилась по скалистым и глинистым обрывам в предгорьях не выше 1100 м н.у.м. (Шульпин 1953). Позже её гнезда находили в обрывах у кордона Топшак (1500 м), в окрестностях перевала Чокпак, в 1982 и 1989 годах – в скалах урочища Кзылжар (1600 м), в 2003, 2007, 2010-2011 – на чердаках в селе Жабактылы, с 2001 – в скалах ущелья Дарбаза (1900 м) и в 2010 – в дупле ивы в искусственных посадках у кордона Талдыбулак. С 1998 года галка гнездится в обрывах вдоль ручья у сел Эльтай и Ирсу. По балке у села Кумысбастау в 2008 году насчитали более 100 нор, занятых этими птицами. С конца XX века галку круглогодично регулярно отмечают вдоль шоссейных дорог, чаще в местах пересечения высоковольтной ЛЭП, где она, как и вдоль железной дороги, устраивает гнёзда в полостях бетонных столбов (Чаликова 2004). Повсеместное увеличение численности вида, вероятно, привело к освоению им скал каньона Аксу, на полях вдоль которого с 2005 года регулярно встречаются её небольшие скопления. Скалы каньона Машат она освоила ещё раньше: в 2003 году гнезилось более 200 пар, в 2005 и 2007 – более 2000. Здесь же с апреля по июль численность галки не постоянна и достигает максимума с поднятием на крыло молодых (соответственно 8.7, 30.0, 51.7 и 36.4 ос./ч.).

В первую половину XX века в предгорьях Пскемского и Чаткальского хребтов галка была обычна до высоты 1300 м н.у.м. (Корелов 1956). Летом 1998 и 2003 стаю в 1000 особей видели в долине реки Чаткал и рядом с Чаткальским заповедником (Ковшарь, Торопова 1999; Митропольский 2005). В районе озера Сары-Челек галка гнездилась в 1926 году и лишь зимовала в 1960-х (Кашкаров 1927; Воробьев, Чичикин 1966). Летом 2003 года она гнездилась в бетонных стол-

бах ущелья Каскасу, под крышей фермы у подножья Казгурта, в глинистых обрывах вдоль ручья Дунгузтараксай, в нижней части рек Даубаба и Сайрамсу, на входе из ущелий Акмечеть и Бадам, между сёлами Белые Воды, Карамурт и Георгиевка, Турбат и лесничество Юлдабай (Чаликова 2004). В столбах ЛЭП и по обрывам вдоль дорог она гнездится и в Кураминском хребте (В.Ковшарь 2005).

В первой половине XX века колонии галок в скалах и по обрывам рек находили в разных частях Каратау (Улькен-Борултау, Беркара, Токсымбай, Малая Сунга, Чаян, Арыстанды, Мынжилки (Долгушин 1951). Однако в ущелье Беркара её позже на гнездовании никто не отмечал. То же можно сказать и об урочище Мынжилки, которое в 2004 году вошло в состав Каратауского заповедника и регулярно посещалось его сотрудниками. Вид не только там не обнаружен на гнездовании, но и не внесён в список видов заповедника (Исмаил уулу 2010). К 1990-м годам галка переселилась к подножью хребта, где селится в бетонных столбах. С 1980-х годов гнездится и в обрывистых берегах реки Улькен-Кокбулак у села Пистели в Боролдайтау, а в июле 1983 года около 600 слётков встретили в пещере Акмечеть. В 2000-2001 годах галка гнездилась в постройках санатория у озера Кызылколь (Коваленко, Гаврилов и др. 2002).

Таким образом, в конце XX века галка из редко гнездящегося вида стала обычным, а местами и многочисленным. Повсеместному увеличению её численности способствовал переход на гнездование в бетонных столбах линий электропередач, которые в конце XX века сменили прежние деревянные и железные.

В течение года места концентраций галок меняются. Так в населённых пунктах предгорий Таласского Алатау они отсутствуют с середины июня до конца августа (рис. 4). Всю осень появляются периодически, частенько собираясь в садах, где кормятся созревшими грушами и яблоками. В период массового пролёта они многочисленны (колебания от 1.8 ос./ч в середине сентября до 62.5 в середине октября, в среднем 17.9 ос./ч) и с его окончанием вновь встречаются нерегулярно (0.0 середина декабря – 5.5 начало января, в среднем 2.6 ос./ч). С середины января и установлением постоянного снежного покрова галки многочисленны в местах выгула и кормления скота (2.2 ос./ч начало февраля – 39.8 конец января, в среднем 29.7). К марту численность вида увеличивается за счёт мигрантов (14.9), периодически залетающих сюда до начала апреля (в среднем 4.9 ос./ч). Основная масса галок собирается вечером и, переночевав на деревьях, с рассветом покидает сёла. Чаше останавливаются смешанные стаи вороновых, в которых доминируют галки. С апреля число галок стабильно (в среднем 1.4) и увеличивается к июню, моменту вылета молодых (7.6 ос./ч).

В предгорьях численность галок меняется сходным образом. Мак-

симальное число галок отмечено в период миграций – осенью в октябре (8.4 ос./ч, рис. 4) и весной с середины марта по апрель (3.9). Очевидно, что эти цифры сильно занижены и отражают лишь достоверность определения вида, тогда как основная часть особей летит в смешанных стаях вороновых. Так, на перевале Чокпак осенью среди отловленных грачей и серых ворон галки составляли 70.9%, а по ежедневным учётам – 9.7%. Весной галки доминируют и составляют 64.7% от общего числа определённых до вида вороновых (Гаврилов, Гисцов 1985). Здесь же её пик численности приходится на старую пятидневку марта и вторую половину октября, что совпадает и с нашими наблюдениями. Минимальное число птиц в предгорьях отмечено с июня по август и с ноября по январь (по 0.5 ос./ч). В период гнездования с апреля по май численность вида стабильна (1.6 ос./ч).

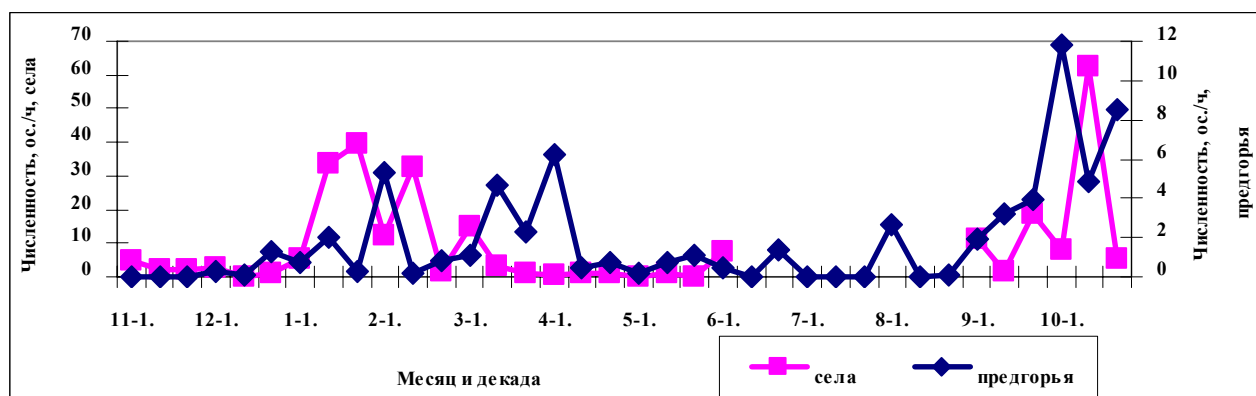

Рис. 4. Сезонная динамика численности обыкновенной галки в Таласском Алатау.

В горы обыкновенная галка залетает лишь изредка, хотя с апреля по май она обычна вдоль каньонов рек, где гнездится. До высокоствольного арчовника она поднимается в начале марта и апреля (4.3 и 0.05 ос./ч), в низкогорьях встречается чаще – с конца августа и до начала ноября (0.4 ос./ч).

К гнездованию галки приступают в марте. С учётом выбора места устройства гнёзд гнездятся небольшими группами от 4 до 20 пар, реже более 100 пар или одиночными парами. Птиц, строящих гнёзда, встречали с 13 марта (2008) по 24 апреля (2003). В строительстве принимали участие оба партнёра, но принцип сбора материала у каждой пары свой. Так наблюдения за парами, гнездившимися на чердаке центральной усадьбы заповедника Аксу-Джабаглы, показали, что одна из них собирала небольшие сухие ветки с кучи мусора, наваленной на тракторную тележку и подготовленной к вывозу, другая – периодически срывала обмороженные серёжки с тополя и уносила их в гнездо. Птицы из третьей ломали сухие веточки на груше и шелковице, причём один из партнёров с материалом ожидал второго, а затем оба вместе возвращались к гнезду. Позже они носили кору деревьев и шерсть.

Строительство двух гнезд продолжалось не менее 10 дней (11-20 и 21-29 апреля).

Яйца в гнёздах находили с 13 апреля по 10 июня. В одном из них первое отложено 30 апреля и последнее (7-е) – 6 мая. Насиживание, по-видимому, начинается до завершения кладки, так как в одном из гнёзд вылупление птенцов длилось 3 сут (19-21 мая). Птенцов в гнёздах встречали с 27 апреля по 1 июля, а слётков – с 6 июня по 7 июля. Через 20 дней после вылупления птенцы из гнёзд, устроенных на чердаке, периодически покидали их и затаивались рядом в тёмных уголках помещения. Ещё через 10 дней они галопом бегали по всей территории чердака и родители находили их по голосу. Вылет этих птенцов состоялся на 33-35 день после вылупления и ещё в течение недели родители докармливали их в посадках высоких деревьев в 30-50 м от гнезда. После вылета птенцов гнёзда галок заняли майны.

Пять кладок галки содержали по 6 яиц, одна – 7, причём в четырёх нашли от 1 до 4 болтунов и задохликов (всего 10). У четырёх пар из 25 яиц вылупилось 15 птенцов (2, 3, 5 и 5), которые благополучно покинули гнёзда.

По фенологии размножения галки в других местах располагаем следующими данными. В урочище Мынжилки в Каратау 3 июня 1941 в гнездах ещё находились птенцы в возрасте 7-10 дней (Долгушин 1951). В районе озера Бийликоль 16 мая 1992 птенцы ещё были в гнёздах, а с середины июня наблюдали молодых (Губин, Карпов 1999).

Даурская галка *Corvus dauuricus* Pallas, 1776

Вид достоверно известен по одной встрече: 6 декабря 1908 Н.А.Зарудный (1910) добыл даурскую галку на реке Чирчик в районе «Паркентского брода». Без комментариев вид как пролётный упомянут А.Ф.Ковшарём (2007) для Таласского Алатау и Каратау.

Грач *Corvus frugilegus frugilegus* Linnaeus, 1758

Единственное упоминание о весьма редком гнездовании грача в Западном Тянь-Шане относится к 1926 году. В этот год небольшие его колонии найдены в посёлках предгорий Каратау и в окрестностях озера Бийликоль (Кашкаров 1928; Шапошников 1931). В последнем месте он гнездится и поныне. Для остальной части региона грач считался пролётным и зимующим видом, а весной его не встречали позже 16 мая.

В конце XX века колонию грача нашли у села Кумкент в 10 км от озера Кызылколь (Коваленко, Гаврилов и др. 2002). 12 мая 2003 несколько пар гнездились в центре села Шарапхана на юг к хребту Каржантау от автомобильной трассы Чимкент-Ташкент. В этот же год летом он отмечен и в других местах: 18 мая – вдоль трассы Белые Воды –

Карамурт, 29 мая – в селе Ирсу и 7 июля – в селе Корниловка (Чаликова 2004). Позже грачей до конца мая встречали ежегодно. Явно гнездящиеся пары встретили в низовьях долины Пскем (В.Ковшарь 2004). В парке города Кентау и в селе Хантаги (предгорья Каратау) грач гнездится с 2003 года (время появления колонии установить не удалось). Весной 2010 года новую колонию нашли в лесополосе вдоль автомобильной трассы Алматы – Чимкент рядом с перевалом Куюк, правда, на следующий год птиц здесь не было. 15 июля 2008 в Боролдайтау 5 птиц подняли с луга у озера Корниловское и 20 – в предгорной степи у села Жанзаков. С этого года встречи грачей в конце июля стали нормальным явлением. Вполне возможно, что в ближайшее время определятся и новые места его гнездования.

В Таласском Алатау грач многочислен на пролёте и обычен зимой. Населённые пункты он посещает с начала августа (21.3 ос./ч), где кормится созревшими плодами груши и яблони, но до октября встречается небольшими группами время от времени (1.7 ос./ч). Более многочислен он с середины октября (214.1), а в ноябре-марте лишь немногочислен (2.2). В течение зимы он изредка залетает в сёла, держится одиночками или парами и чаще в местах выгула домашнего скота. Пик весеннего пролёта приходится на вторую половину марта (15.3), но больше грачей здесь на ночёвках. С середины апреля по август грачи избегают поселений человека.

В предгорьях грач не встречается с мая по август (за исключением одиночных встреч и районов гнездования). В начале августа появляются кочующие птицы (33.2 ос./ч), которые до конца сентября (6.7) держатся небольшими группами. С октября идёт массовый пролёт, достигающий пика в середине месяца (по декадам: 53.6, 329.6 и 25.2). В это время стаи могут объединять несколько тысяч особей (в том числе галок и серых ворон) и при перелёте растягиваться на несколько километров.

С ноября по март грач немногочислен (2.9 ос./ч), позже объединяется в тысячные стаи и к апрелю заканчивает основной пролёт. Отметим, что в районе перевала Чокпак с 1966 по 1980 год основной пролёт грача шел осенью в первой декаде октября (79.6% от всех встреченных) и весной во вторую-четвертую пятидневки марта (90.8%) (Гаврилов, Гисцов 1985). К 2004-2011 годам сроки пролёта сдвинулись на декаду: вторая декада октября (74.9%, первая 12.2%) и третья декада марта (61.0%, 2-4 пятидневка 30.1%).

В горы грачи залетают чаще, чем галки. В конце марта они поднимаются в среднегорья (0.4 ос./ч), до середины апреля – в низкогорья (0.1). Осенью в первом поясе они редки с середины октября по ноябрь (0.6), во втором же их значительно больше (9.4) и появляются они здесь уже в середине сентября.

По срокам и результатам гнездования располагаем единичными сведениями. Грачей на колониях встречали 30 апреля и 9 мая; хорошо летающих молодых особей наблюдали с середины мая и до начала июня, а с июля по август молодые вместе со взрослыми кочевали небольшими группами по 20-50 особей. Причём число птиц в стаях с начала августа увеличивалось до 300 и даже до 1000. В районе озера Бийликоль кормовые скопления взрослых и молодых грачей отмечены в начале июня 1941 года и 15 мая 1992 (Долгушин 1951; Губин, Карпов 1999).

По окончании весеннего пролета пара больных грачей (скорее всего, отравившихся пестицидами) до 3 июня 2007 держалась на кордоне Аксу. Позже одного нашли мёртвым, другой исчез.

О численности грача в период миграций располагаем следующими сведениями. На перевале Чокпак в период с 1966 по 1981 год по результатам учётов весной максимальное число птиц отмечено в 1970, 1971, 1974 и 1975 годах, осенью – в 1972, 1971, 1973 и 1981 (Гаврилов, Гисцов 1985), в предгорьях Таласского Алатау с 1984 по 2011 год – весной 2002, 2011, 2010 и осенью 2002, 2010, 2005 годов.

Чёрная ворона *Corvus corone orientalis* Eversmann, 1841

Оседлый вид Западного Тянь-Шаня. В Таласском Алатау чёрная ворона долгое время была редка как в горах, так и в предгорьях. Единичные пары жили только в урочище Чуулдак. Вне этого района летние встречи ограничены наблюдением пары в 1933 году в ущелье Кши-Каинды (Шульпин 1953). С 1980-х годов чёрная ворона гнездится в предгорной степи между ущельями Джабаглы и Талдыбулак. С 1983 года в арчевых лесах долины реки Джабаглы известны 5 мест её гнездования: полевая дорога Кызылжар – Улькен-Каинды (первая петля и ручей Избала), нижняя тропа (Свиная балка, западный склон ущелья Кши-Каинды и восточный склон – вдоль ручья Избала). Здесь она отсутствовала только в 1996 и 1998, три пары жили в 1986, 1990, 1991, 1993, 1995, 1999-2002, одна – в 2005-2008, 2010-2011 и две – в остальные годы. Максимум ворон встречен в 1992 году (1.5 ос./ч, рис. 5). В арчевых лесах Чуулдак с 1985 по 2000 год численность вида выросла в 4 раза (с 0.5 до 2.2 ос./ч), а позже была не постоянной. Заметное повышение отмечено в 1987-1991 (до 2.0), 2000 (2.2) и 2011 (1.7) годах.

С конца XX века чёрная ворона обычна рядом с человеком, которого прежде избегала. В посадках кордона Талдыбулак она гнездилась в 1994-1996, 2000 и ежегодно с 2004 года. Её численность на отрезке между этим кордоном и селом Жабагылы с 1999 – не постоянна (0.6 – 2001, 3.0 ос./ч – 2004 и 2011 годы, рис. 5) и в 5.6 раз выше, чем в арчевых лесах Кши-Каинды (соответственно в среднем 1.7 и 0.3 ос./ч). Само село чёрная ворона освоила в 2006 году, заняв гнездо ворона на сосне в

центре села. На следующий год вторая пара ворон построила новое гнездо на окраине села и через год третья – в 200 м от первого. Численность вида с 2004 года только росла (с 0.4 до 3.6, рис. 5), тогда как ранее чёрную ворону здесь летом не встречали. Кроме того, в конце XX века ворона заселила все лесополосы вдоль железных и автомобильных дорог.

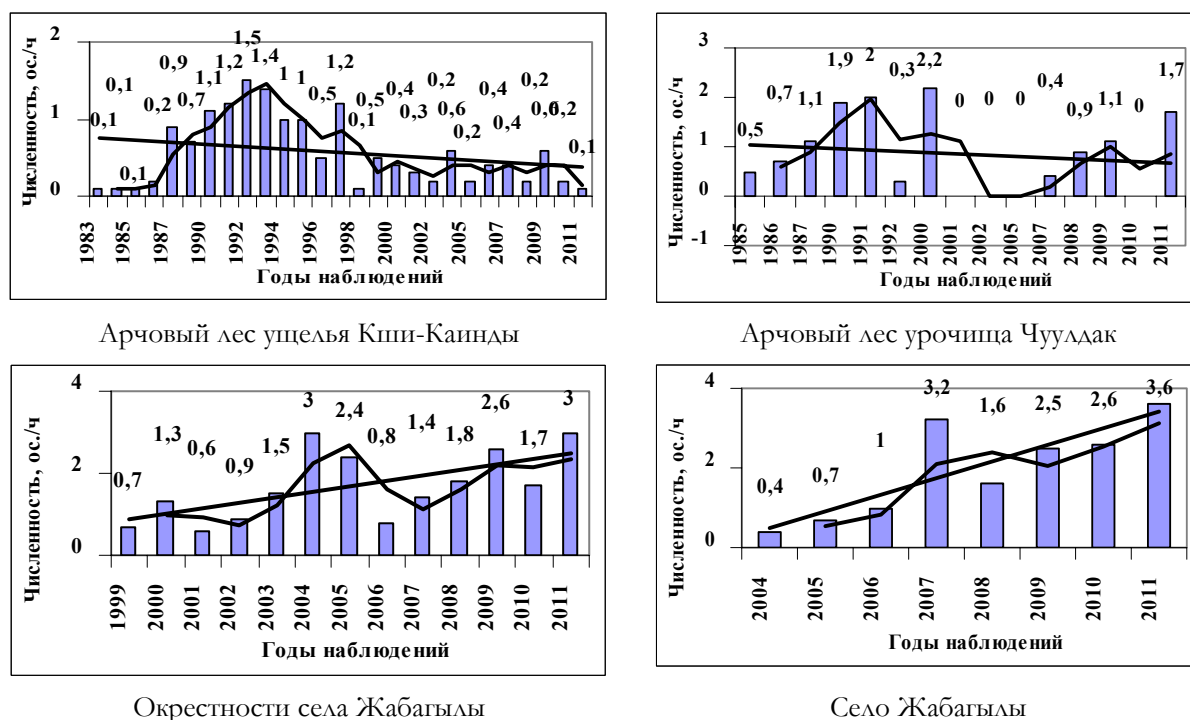

Рис. 5. Динамика численности чёрной вороны в Таласском Алатау (апрель-июль).

Таким образом, с начала 1990-х годов чёрная ворона летом встречается повсеместно, за исключением высокогорья, но её численность в горах постепенно падает и увеличивается в предгорьях.

Если Таласский Алатау чёрная ворона начала осваивать в 1980-х годах, то в Чаткальском, Пскемском, Угамском хребтах и в Каржантау она уже в середине XX века нормально гнездилась в лесном поясе гор. Правда, её численность повсюду была невелика, гнездовые пары ворон встречали в 8-10 км и более от друга (Корелов 1956). В Чаткальском заповеднике ранее вид не всегда отмечали во время экскурсий, но уже в 1994 и 2002 годах он был обычен в пойменном лесу (1.6 и 4.2 ос./ч – Лановенко 1997; Митропольский 2005).

Летом 1998-1999 годов чёрная ворона – самая многочисленная из вороновых Западного Тянь-Шаня (Ковшарь, Торопова 1999). Увеличение её численности в узбекской части Западного Тянь-Шаня заметили в 1970-е годы, когда в отдельных ущельях гнезилось до 2 пар птиц на 3 км. В урочище Аксаката нашли группу из 3-4 пар на расстоянии 10-15 м друг от друга (Лановенко, Сагитов 1995). В Пскемском хребте встречали по 1.3 ос./км, а в 1999 и 2003 годах – 6.3 и 1.6 ос./ч (Митро-

польский 2005). По долине реки Пскем чёрная ворона в 2002 году была обычной (В.Ковшарь 2003).

В казахстанской части Западного Тянь-Шаня летом 2003 года численность чёрной вороны выше и её встречали наравне с сорокой (на 202 вороны приходится 234 сороки), но в предгорьях ворона превосходила сороку (54 и 25). По лесным биотопам чёрная ворона была распределена равномерно и более многочисленна в долине Угам (4.3 ос./ч и 7.3 – 2011 год). Именно здесь 10 июля на суходольном лугу по левому берегу реки встречена стая из 24 птиц. Ранее подобные скопления наблюдали только осенью (Ковшарь 1966). На северном склоне Угамского хребта чёрная ворона встречена от предгорий до 2600 м н.у.м. и была обычна в боярышниковых лесах вдоль реки Сильбили (2.7) и в арчовниках – Каскасу (2.0 и 0.7 – 2008). Реже её встречали в ущелье Сайрамсу (0.4 и 0.5 – 2005), но здесь она отсутствовала в мае 1984 года. Рядом в ущелье Сарыайгыр ворону не нашли ни в 2008, ни 2011 году, хотя в июле 1994 года один раз встретили.

На Казгурте в мае 2003 года чёрная ворона многочисленнее сороки более чем в 1.5 раза и встречалась исключительно по подножью в зарослях боярышника. В 1938 году она здесь отсутствовала (Долгушин 2009). Летом 2003 года её нашли многочисленной на гребне Каржантау, обычной – в ущельях Карабаусай, Бадам и редкой – в ущельях Акмечеть, Наут, Арабийик и в верховьях реки Бадам (Чаликова 2007). В 1926 году вид не встречали в районе озера Сары-Челек, но в 1960-х он был здесь обычен (Воробьёв, Чичикин 1966). В октябре 2004 года несколько ворон держались рядом в селе Аркит, а в июле 2005 года их отметили повсеместно (Осташенко 2005).

В Каратау чёрную ворону впервые встретили в 1941 году – одиночные пары в верховьях реки Чаян, в предгорьях между основным хребтом и Улькен-Борултау (Долгушин 1951). В мае 1987 года её видели в долине реки Кашкарата и в августе-сентябре 2002 – пару на перевале Турланский (Чаликова, Колбинцев 2006). 29 апреля 2010 жилое гнездо нашли на иве по реке Коктал. В ущелье Кокбулак (Боролдайтау) ворона немногочисленна с 1983 года, где в апреле 2010-2011 её численность была 0.6 и 0.1 ос./ч, а пара гнездилась в искусственных посадках одноимённого кордона. В районе озера Бийликоль в 1926 году вид отмечен на кочёвках (Кашкаров 1928), в 1991 – на гнездовании (10-15 пар – Губин, Карпов 1999). С конца XX века несколько пар гнездятся и в районе озера Кызылколь (Коваленко, Гаврилов и др. 2002), а также повсеместно по лесопосадкам вдоль дорог.

Изменилось соотношение птиц и на пролёте. На перевале Чокпак весной 1966-1981 годов на ежедневных учётах регистрировали от 1 до 7 чёрных ворон и осенью – 1 и 5 (Гаврилов, Гисцов 1985). В апреле-мае 2004-2006 годов на перевале Чокпак численность чёрной вороны коле-

балась от 1.8 до 4.0 ос./ч (в среднем 3.1), а в августе-октябре 2004-2011 – 0.1 и 0.9 (в среднем 0.5 ос./ч).

В течение года по Таласском Алатау чёрная ворона распределена следующим образом. В населённых пунктах она более многочисленна с середины декабря до середины февраля (колебания от 2.8 до 9.6, в среднем 4.9 ос./ч, рис. 6), когда сюда собираются птицы из верхних поясов гор. С конца февраля и весь май здесь держатся только гнездящиеся особи, число которых стабильно (1.9-3.8, в среднем 2.7 ос./ч). К началу июня молодёжь становится на крыло, что невозможно не заметить (6.1 ос./ч), но уже с середины июня начинаются кочёвки за пределы населённых пунктов. Минимум птиц держится в сёлах до середины сентября (0.0-2.3, 0.9) и только к концу месяца их численность увеличивается за счёт мигрантов, число которых постепенно падает к декабрю (1.1-5.5, в среднем 3.8 ос./ч).

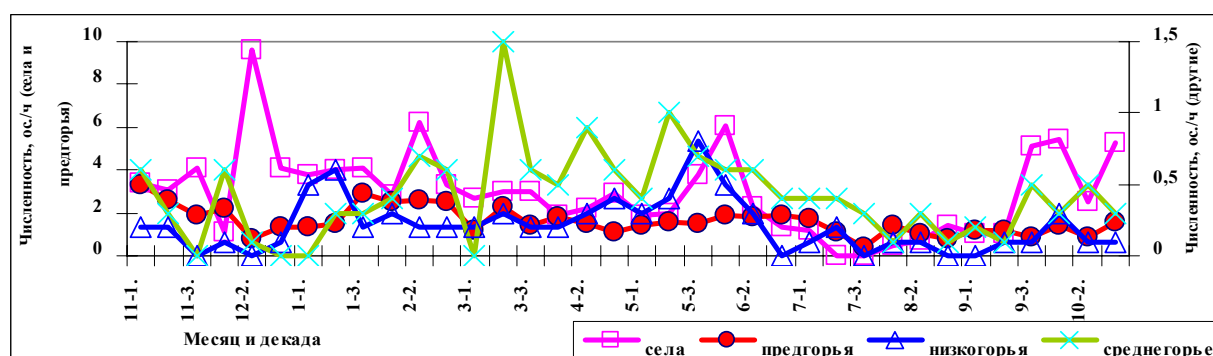

Рис. 6. Сезонная динамика численности чёрной вороны в Таласском Алатау.

В предгорьях резкие колебания численности вида менее заметны (0.4 конец июля – 3.3 начало ноября, в среднем 1.6 ос./ч, рис. 6). Самой многочисленной чёрную ворону нашли с ноября по декабрь (в среднем 2.2) и с конца января по середину марта (2.0). Между этими периодами и с августа по октябрь птиц здесь в два раза меньше (соответственно 1.2 и 1.1) и разницы в распределении по лесополосам и открытым участкам предгорной степи нет. Гнездо ворона может построить и на одиноко стоящем дереве. Несущественные различия в её численности наблюдали с конца августа по октябрь (соответственно 1.1 и 1.7 ос./ч).

Низкогорья чёрная ворона почти не посещает с конца июня по январь (колебания от 0.0 до 0.3, в среднем 0.1 ос./ч, рис. 6). В январе численность вида выше (до 0.6), до середины мая стабильна (0.3), а с его конца до середины июня (становления молодых на крыло) чуть выше (до 0.8 ос./ч).

В среднегорье чёрная ворона изредка залетает с конца ноября по начало марта (от 0.0 до 0.7, в среднем 0.3 ос./ч, рис. 6) и на середину марта приходится пик численности вида (1.5), совпадающий с периодом выбора мест гнездования. С началом строительства гнёзд и до на-

чала кочёвок молодых число особей стабильно (0.7), с конца июня по сентябрь только падает (до 0.1) и до середины ноября вновь стабильно (0.3-0.6, 0.4). Изредка чёрные вороны поднимаются и выше. В арчевом стланике 9 встреч состоялись в мае-октябре, а в альпийском поясе две встречи произошли в августе.

Большую часть года чёрные вороны держатся парами и одиночками. Поэтому сказать что-либо о сроках образования пар нельзя. Скорее всего, они постоянны и привязаны к одному месту гнездования. Так, в селе Жабагылы пара птиц использует одно и то же гнездо с 2006 года. К строительству гнёзд птицы приступают в марте: в предгорьях в его начале, в среднегорье – в его конце (крайние сроки 22 февраля – 15 мая, рис. 7). Чаще ремонтируются старые постройки, реже строятся новые гнёзда.

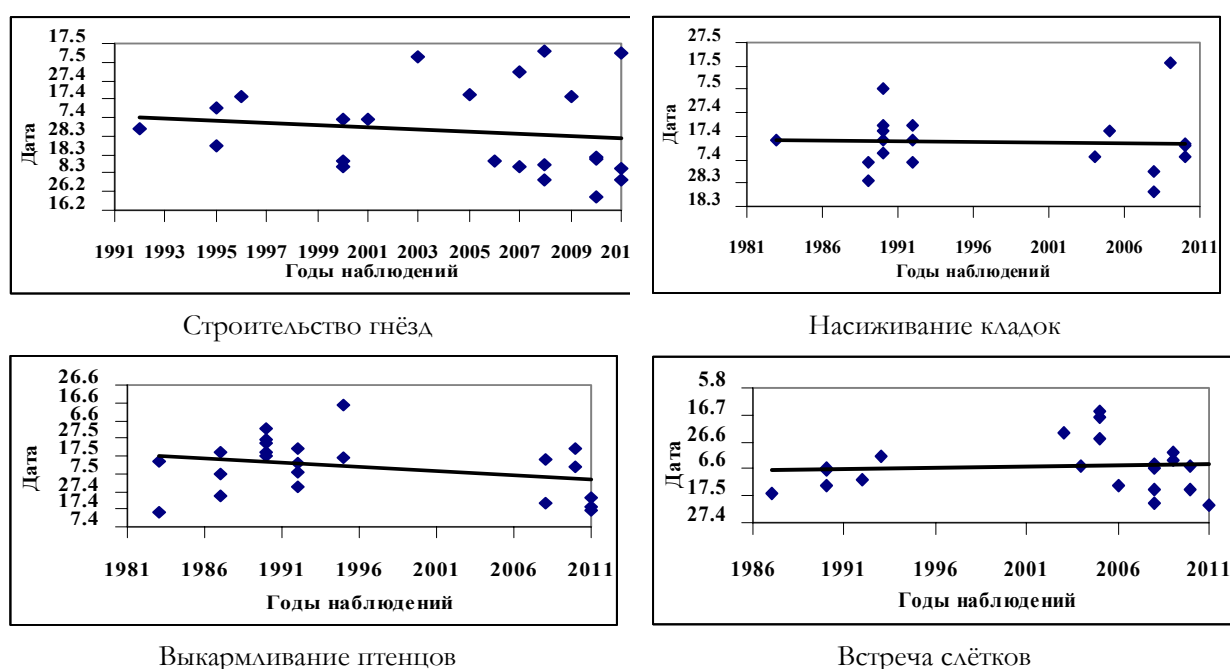

Рис. 7. Динамика основных фенологических явлений в жизни чёрной вороны в Таласском Алатау.

В зависимости от места гнездования меняется и субстрат, на котором строится гнездо. В населённых пунктах – это тополь, сосна и грецкий орех (соответственно 10, 6 и 1 гнездо); в лесопосадках – карагач, тополь, ясень и лох (4, 3, 6 и 1); в садах – яблоня и груша (3 и 2), на открытых участках предгорной степи – боярышник (5), в тугае вдоль рек и ручьёв – ива, берёза и маголепская вишня (11, 2 и 1); в арчевом лесу – арча (9). Гнездо обычно строится у вершины. Низко устроенные (от 4 до 5 м над уровнем земли) находили на арче, лохе, груше, карагаче, маголепской вишне, высоко (до 15 м) – на тополе, иве и сосне.

Гнездо представляет собой прочное сооружение из толстых веток. Лоток вьётся из тонких веточек и выстилается шерстью, чаще овечьей.

Наружный диаметр и высота одного из гнёзд, устроенного на иве в предгорной степи, составили 440 и 510 мм, диаметр лотка 280, глубина лотка 80 мм. О продолжительности строительства гнезда сказать что-либо трудно, поскольку чаще отмечали ремонт построек; постройка одного гнезда шла не менее 7 дней (3 марта – встреча птица с веткой, 8 марта – с шерстью).

Яйца в гнёздах находили с 24 марта по 18 мая (рис. 7). Полная кладка содержала от 3 до 6 яиц (4 кладки из 4 и по 1 – из 3, 5, 6 яиц). Первое яйцо в гнезде в предгорьях отложено 6 апреля. В среднегорьях вороны не начинали кладок ранее середины апреля. Вылупление птенцов продолжается в течение суток. Находятся птенцы в гнезде более 30 дней. В одном из гнёзд вылупление первых 2 из 3 птенцов наблюдали 7 мая, вылет – 7 июня, когда последний (3-й) всё ещё оставался в гнезде. Выкармливание птенцов наблюдали с 15 апреля по 15 июня. Число птенцов у одной пары колебалось от 1 до 5 (5 пар по 2 птенца, 2 – по 4 и по 1 – по 1, 3, 5 птенцов), слётков – от 1 до 4 (3 по 2, 2 по 3 и 4, 1 – 1 слётков). Покидают молодые гнездо не одновременно и ещё около 20 дней держатся в его районе. Слётков в населённых пунктах встречали с 10 мая, в арчовых лесах – с 19 мая, а выводки держались вместе до начала августа. В июле в выводках чёрных ворон насчитывали от 4 до 7 молодых.

У птенцов из двух гнёзд чёрной вороны 5-8 и 20-21 мая 1992 методом шейных лигатур взято 35 проб корма. Первое гнездо располагалось в предгорной степи в антропогенном ландшафте, второе – в арчовом лесу заповедника. Основу корма тех и других составили равнокрылые и прямокрылые (68.0%). Первые были представлены личинками певчей цикады, вторые – личинками саранчовых (98.4%), кузнечиков (1.0%) и сверчка. Кроме мелких пауков, отмечена фаланга. Из жуков определены жужелицы (39 экз.), кравчики (7), бронзовки (6), короеды (5), усачи (4), чернотелки (3), златки, стафилины, навозники, щелкуны, афодии и мертвоеды (по 1). Из бабочек преобладали гусеницы совок (19), затем листовертки (6) и пяденицы (1), из клопов отмечены черепашка (51) и щитник (1), из перепончатокрылых – пилильщик (1), из кольчатых червей – дождевой (6).

Рацион был разным и более разнообразен у птенцов, вылупившихся в предгорьях (см таблицу). Кроме естественных кормов, в его состав вошли продукты жизнедеятельности человека (хлеб, мясо погибших животных), что прямо указывает на влияние антропогенного фактора. Такие корма по биомассе соответствовали нескольким десяткам беспозвоночных животных. Основу рациона составили прямокрылые, паукообразные и жуки (80.4% от общего количества), а в арчовом лесу – личинки певчей цикады (90.3%). Родители птенцам в гнёздах, построенных в селе Жабагылы, приносили цыплят и мышей. Зимой в горах и

предгорьях не раз встречали ворон у трупов зверей и птиц. В арчовниках верховий Заравшана чёрная ворона питалась птицами и их яйцами, грызунами и низшими ракообразными (Бакаев 1984), что вполне сопоставимо с рационом вида из предгорий нашего региона.

Соотношение кормов в питании птенцов чёрной вороны
(в скобках – число проб корма)

Кормовой объект	Число экземпляров			В % от общего количества		
	Имаго	Личинки	Всего (35)	В среднем	По гнёздам	
					№1 (24)	№2 (11)
Моллюски	1	-	1	0.1	-	0.5
Кольчатые черви	6	-	6	0.6	1	-
Паукообразные	99	-	99	10.3	16.1	1.1
Многоножки	1	-	1	0.1	0.2	-
Прямкрылые	-	315	315	32.9	51.9	-
Уховертки	-	2	2	0.2	0.3	-
Равнокрылые	-	335	335	35.2	0.2	90.3
Клопы	54	-	54	5.6	8.9	-
Жуки	88	1	89	9.3	12.4	7.6
Бабочки	-	37	37	3.9	5.9	0.5
Перепончатокрылые	-	1	1	0.1	0.2	-
Двукрылые	2	-	2	0.2	0.3	-
Земноводные	2	-	2	0.2	0.3	-
Птицы	2	1 яйцо	2	0.2	0.6	-
Млекопитающие	2	-	2	0.2	0.3	-
Падаль	6	-	6	0.7	1.2	-
Хлеб	-	-	-	0.1	0.1	-
Растения	-	-	-	0.1	0.1	-
Всего	263	691	954	100.0	100.0	100.0

За один прилёт родители приносили птенцам от одного до 42 экземпляров кормовых объектов. Биомасса одной порции корма колебалась от 0.5 до 6 г, в среднем 3.7 г. Все известные пищевые объекты собраны с поверхности почвы и в подстилке.

Об эффективности размножения чёрной вороны скажем следующее. Ни одно гнездо, построенное в населённых пунктах, не погибло, но и из других мест известен лишь один случай гибели кладки у пары, жившей в арчовом лесу. В 8 гнёзд отложено 30 яиц, из которых вылупилось 22 птенца и вылетело 19, т.е. успешность размножения составила 63.3%. Болтунов и задохликов не находили. Возможно, родители выбрасывали неоплодотворенные яйца ещё до вылупления птенцов. Так в одном из гнёзд насиживание 4 яиц шло 15 апреля, трёх – 22 апреля, а двух птенцов обнаружили 19 мая. У другой пары из 5 яиц вы-

лупилось 5 птенцов, один из которых умер в возрасте 3-4 дней и в момент осмотра гнезда 13 мая лежал рядом с живыми. Через неделю в гнезде осталось только три птенца, которые в последствие благополучно покинули его.

По фенологии размножения чёрной вороны из других мест имеются следующие данные. В районе озера Бийликоль (предгорья Каратау) 10 апреля 1941 кладка ещё не началась, а в 2 гнёздах 29 апреля 1992 нашли 5 яиц и 4 птенца в возрасте 8-10 сут (Долгушин 1951; Губин, Карпов 1999). В Пскемском хребте 25 мая 1954 шло насиживание яиц и птенцы покинули гнёзда во второй половине июня – начале июля (Корелов 1956).

От посягательства других видов птиц чёрные вороны охраняют свои гнезда с момента строительства, но наибольшее число стычек наблюдали после вылета молодых. К нарушителям спокойствия отнесём сороку, курганника *Buteo rufinus*, канюка *Buteo buteo*, чернолобего сорокопута *Lanius minor*, вóрона, орла-карлика *Hieraaetus pennatus* и чеглока *Falco subbuteo*. Последний вид обычно занимает гнёзда чёрной вороны после вылета молодых, что характерно для населённых пунктов и предгорий.

В середине XX века чёрную ворону истребляли наравне с другими вороновыми и хищными птицами. В настоящее время мёртвых особей чаще находят под столбами линии электропередач, что характерно для весны и осени.

Серая ворона *Corvus cornix sharpii* Oates, 1889

В предгорных районах Западного Тянь-Шаня серая ворона многочисленна на пролёте и обычна на зимовках. Осенью в Таласском Алатау она появляется в конце сентября (наиболее ранняя дата 17 сентября 1975) или в начале октября (рис. 8). В это время её отмечают одиночками. Следующие две декады вид многочислен в предгорьях, и основная часть пролётных особей держится в смешанных стаях вороновых. В населённых пунктах именно на этот период приходится пик численности серой вороны (17.8 ос./ч, рис. 8), но и здесь она держится одиночками, реже парами. С ноября и до середины февраля число особей стабильно и лишь в середине декабря серая ворона случайно не попала в учёт, хотя её наблюдали ежедневно (от 0.0 до 7.3 ос./ч в конце декабря и января, в среднем 5.3). К концу февраля число зимующих особей сокращается вдвое (3.3-1.7, 2.7), а с апреля их встречи исключительно редки. Последняя состоялась 25 мая 1981.

В предгорьях численность серой вороны ниже и большая часть птиц сосредоточена на окраинах населённых пунктов и ферм. Больше всего серых ворон в таких местах в октябре-ноябре (до 3.5, в среднем 2.8 ос./ч, рис. 8), а с конца ноября и до весеннего отлёта в эти места из-

редка залетают одиночки (0.0-0.4, 0.1). В низкогорьях вид появляется ещё реже. Здесь максимум отмечен в начале ноября (0.0-1.1, 0.1). На пролёте серая ворона транзитом пролетает над открытыми участками среднегорий и её остановок или задержек не наблюдали.

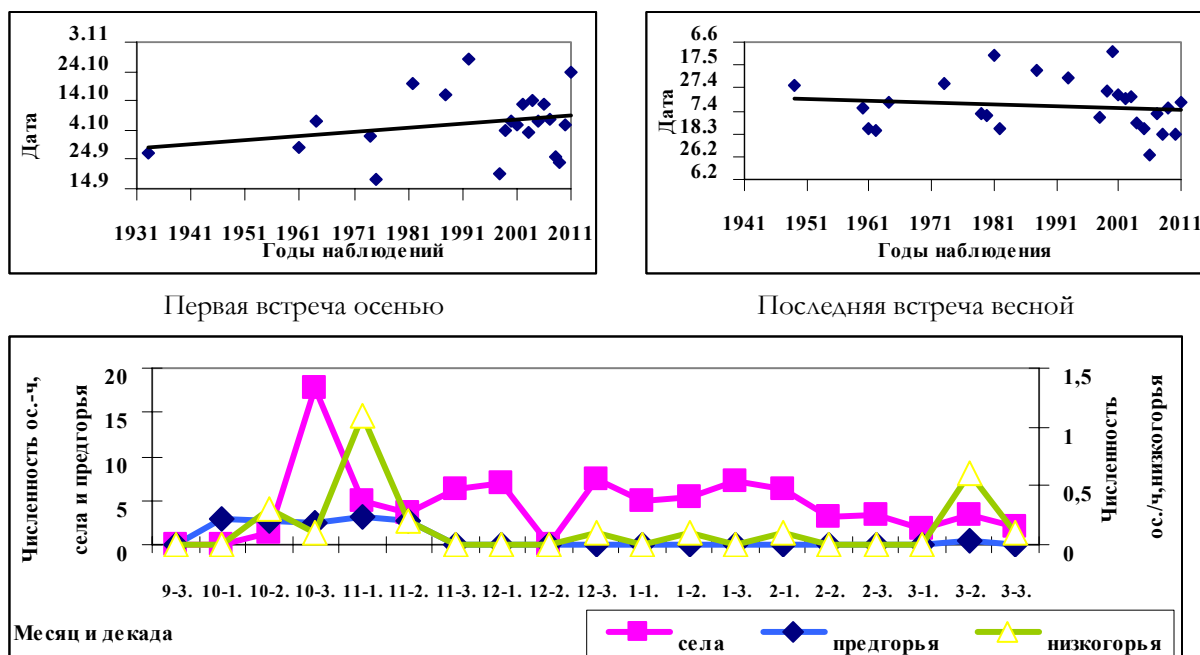

Рис. 8. Сроки пребывания и динамика численности серой вороны в Таласском Алатау.

Пустынный ворон *Corvus ruficollis ruficollis* Lesson, 1830

С 1927 года единственным местом гнездования пустынного ворона в Западном Тянь-Шане являлись северо-западные отроги Каратау между Кара-Муруном и Актау (Шапошников 1931). Там же, а также близ Кара-Муруна по низкорослому саксаульнику птиц встречали в мае 1941 года (Долгушин 1951). В августе 1958 года стаи от нескольких десятков до 100 птиц наблюдали в прилегающих к Каратау местах – район Сузака, Чулак-Кургана и Байкадама (Гаврин 1974). К сожалению, в дальнейшем около полувека данных о пустынном вороне не поступало. Выводок из 5 молодых и двух взрослых птиц встречен 14 июня 2003 в скалистых выходах по гребню Боролдайтау в 5 км на запад от перевала Чокпак. В районе этого перевала пустынных воронов изредка отмечали на кочёвках в 1966-1981 годах: весной две встречи 3 птиц, осенью добыта молодая самка. Осенью же 1982-2010 годов отмечены 4 одиночки и окольцованы 3 птицы (Гаврилов, Гисцов 1985; Аббаев, Гаврилов и др. 2011).

В Таласском Алатау на основании добычи трёх пустынных воронов в ущельях Балдыбрек и Джабаглы, предположили вероятное гнездование вида в скалах (Шевченко 1948). Позже его здесь же встретили весной 1961 и 1963 годов (Ковшарь 1966). В предгорной долине между

селем Жабагылы и ущельем Талдыбулак птицы построили гнездо на перекладине одного из столбов высоковольтной линии ЛЭП в апреле 2000 года. Рядом с гнездом пару видели 10 марта и 9 апреля. Вновь птицы появились здесь весной 2004 года. 25 марта на том же месте они вновь строили гнездо. 13, 21 и 28 апреля взрослая особь плотно сидела в нём, но 2 и 9 мая гнездо оказалось пустым. Вновь пара, кормившая на земле слётка, встречена в этом районе 16 июня. Здесь же 17 июля, 10 и 29 сентября видели одиночек, а 12 марта 2007 состоялась единственная встреча птицы, несшей в клюве палку. Проследить конечный пункт её полёта не удалось. 9 апреля 2008 на перекладине ЛЭП вновь выложена основа гнезда, с которого ворон сгонял пустельгу *Falco tinnunculus*, устроившуюся на отдых. Позже две птицы появились здесь только 2 сентября 2010, а 15 июля 2011 видели трёх, одна из которых молодая. Гнездо в этот год было нежилым. Из других мест известны следующие встречи. 13 марта 2009 в окрестностях села Жабагылы с трупа собаки подняты один пустынный и 7 обыкновенных воронов. 7 апреля недалеко от этого места одиночного пустынного ворона наблюдали в первой половине дня в течение 4 ч.

В северо-западных отрогах Каратау 25 мая 1927 в двух гнёздах пустынного ворона нашли по 5 птенцов разного возраста: в первом они были ещё голыми, во втором начали оперяться (Шапошников 1931). В этом же районе 26 апреля 1937 в гнезде шло насиживание 5 яиц, а 9 июня 1948 добыли слётка (Гаврин 1974).

Обыкновенный ворон *Corvus corax tibetanus* Hodgson, 1849

В Западном Тянь-Шане обыкновенный ворон живёт оседло. В Таласском Алатау до организации заповедника Аксу-Джабаглы (1926 год) его регулярно встречали около стад и на падали вместе с сипами *Gyps fulvus* и грифами *Aegypius monachus*. Летом 1926 года выводки наблюдали дважды, и примерно в это же время ворон гнездился в нижней части каньона Аксу. В 1933-1935 году две пары держались там же, а третья – на водоразделе Джетымсай и Кши-Каинды. Самих же птиц встречали в равном количестве в одних и тех же местах и зимой, и летом (Шульпин 1953). Подобное положение сохранялось до конца 1940-х годов, когда птиц ещё встречали группами, позже – только парами и одиночками. В 1993 году пара воронов построила гнездо на скалах водопада Кши-Каинды, в котором жила ещё 6 лет (1994, 1995, 1997, 1998, 2004, 2008). Причём ни выводков, ни групп птиц вне гнездовое время в окрестностях гнезда не встречали. В 2004 и 2008 годах гнездование оказалось безрезультатным, что мы связываем с фактором беспокойства со стороны экскурсантов, регулярно посещающих водопад. Но именно с 2004 года в окрестностях села Жабагылы от 1 до 3 птиц в группе летом встречают регулярно. На следующий год одна пара

вывела птенцов в этом селе, другая – в скалах Джабаглытау у кордона Теке-Камал. Ещё одна пара в 2004-2008 годах гнездилась в ущелье Боранчиасу, где заняла гнездо, в котором прежде жили стервятник *Neophron percnopterus* и курганник. В каньонах Аксу и Коксай пару ежегодно отмечают с 1996 года. 14 апреля 2011 в районе первого встретили птицу, нёсшую змею. Похоже, что в настоящее время численность вида возвращается на уровень 1920-х годов. Как шёл постепенный рост его численности, можно судить по следующим цифрам. С 1983 по 2011 год в первые 12 лет состоялось 29 встреч 38 особей, в каждые последующие 4 года соответственно 52 – 84, 38 – 56, 154 – 241 и 135 – 201. Наибольшее число регистраций пришлось на 2006 год (60 встреч 79 особей); ворона ни разу не видели в 1985 году.

Несколько выше численность обыкновенного ворона в соседних хребтах. В первой половине XX века он отдельными парами гнезвился на Чаткальском, Пскемском, Угамском хребтах, в Каржантау и на Казгурте. Немногочислен он здесь и до сих пор, но самая большая его концентрация отмечена в местах обитания сурка Мензбира *Marmota menzbieri* в Каржантау и в ряде ущелий Угамского хребта в 1961-1962 и 2001 году (Капитонов 1969; Плахов 2002). Летом 2003 года именно здесь и состоялось большинство встреч (Чаликова 2007).

В Каратау летом 1926 года обыкновенный ворон предположительно гнезвился в скалах Боролдайтау (Шапошников 1931), в 1941 году его наблюдали в верховьях реки Чаян, у родника Токсымбай и в районе Мынжилки. Однако какой это был ворон – пустынный или обыкновенный – неизвестно (Долгушин 1951). В 1981 году обыкновенный ворон гнезвился в ущелье Кокбулак. В августе-сентябре 2002 года видели стаю из 15 птиц в ущелье Кенчектау, выводок из 4 птиц – на Турланском перевале, пару – в урочищах Мынжилки и Карагур, одиночек – в урочищах Кокбулак и Бельдыбулак (Чаликова, Колбинцев 2006). В окрестностях города Кентау, расположенного в предгорьях Каратау, 29 сентября 2010 за 3.5 ч встретили три одиночных птицы и пару. На перевале Чокпак обыкновенный ворон в небольшом числе регулярно встречается на сезонных кочёвках и кормёжке.

Ворон распределён в течение года по Таласскому Алатау не равномерно. Из 408 встреч 154 состоялись в предгорье, 111 – в среднегорье, 78 – в населённом пункте, 35 – в низкогорье и 30 – в высокогорье. По четверти всех встреч пришлись на декабрь (25.6%), октябрь и январь (26.9%), февраль, апрель и октябрь (26.7%). В августе вид не встречен ни разу. В предгорье более половины регистраций с февраля по март, с сентября по октябрь (58.5%) и очень мало – в декабре (2.6%). На кормёжке рядом с фермами и сёлами воронов регулярно видят с 1996 года. Группы до 10 особей поднимали с трупов домашних животных. Кроме того, отдельные особи регулярно держатся по лесополосам вдоль же-

лезной дороги, где кормятся отбросами, выброшенными из окон, или же трупами животных (собаки, лисы, шакалы и др.), сбитыми поездами. Впрочем, это характерно для всех вороновых. В скалах низкогорий обыкновенный ворон гнездится, и хотя его в таких местах отмечали круглогодично, основная часть встреч состоялась в гнездовой период – с февраля по июнь (65.7%), что характерно и для среднегорья (68.4%). Ворон продолжает посещать эти места до октября (соответственно 20.0 и 26.2%), но позже лишь изредка (14.3 и 5.4%). С мая он регулярно залетает в высокогорья, увеличивая число посещений к концу августа (соответственно 13.3, 23.3, 26.7 и 36.7%). Зимой в 1960-х годах наблюдали суточные миграции воронов из гор в предгорья и обратно (Ковшарь 1966). Нами подобное не замечено.

Более полувека сведения о гнездовании ворона в Таласском Алатау были ограничены встречей А.П.Коровиным лётных выводков (до 8 особей) в предгорной степи и альпийском поясе 2 и 4 июня 1926 (Шульпин 1953). В 1993 году пара построила гнездо на небольшом скалистом выступе водопада Кши-Каинды (Чаликова 1999). Прикрываемое с трёх сторон скалами, оно представляло собой довольно мощную постройку из крупных ветвей, лоток которой был обильно выстлан шерстью. В 1996 году скальный выступ, на котором располагалось гнездо, частично обвалился, и птицы обновили старое гнездо пустельги *Falco tinnunculus* на той же скале, но с противоположной стороны. Теперь оно было открыто с трёх сторон, но недоступно для осмотра. В нём вороны жили до 1999 года. Вновь пара появилась здесь в 2004 году, построив гнездо там же, где и в первый раз. После гибели кладки новая попытка вывести здесь же птенцов в 2008 году оказалась безуспешной. Кладка погибла на стадии насиживания в результате беспокойства. В предыдущие 8 лет птенцы ворона благополучно вылетали из гнезда.

По срокам гнездования в этом месте располагаем следующими данными. Строительство гнезда и его ремонт в 1993-1999 годах шло в феврале, в 2004 и 2008 – в марте. В 1995 году первое яйцо отложено 28 марта, в этот же день 1994 года шло насиживание 6 яиц. Птенцов видели с 5 апреля (1994) по 31 мая (1995), слётков – с 16 мая (1998) по 12 июня (1995). Кладки содержали от 2 до 6 яиц (одна – по 2 и 5, две – 6, три – 4), из которых вылупилось от 2 до 5 (2, 3, 4, 4, 4, 4 и 5) птенцов и почти столько же вылетело (2, 2, 4, 4, 4, 4 и 5). Насиживание начиналось с середины периода кладки, поэтому птенцы одного выводка значительно различались по величине и вылет из гнезда младших происходил на 2-3 дня позже. Слётки в районе гнезда находились не менее 13 дней (с 17 по 29 мая 1996).

В 1993-1994 годах в скалах напротив гнезда ворона жил курганник. Стычки между воронами и курганниками наблюдали во время

строительства, ремонта гнезда и откладки яиц. В скалах водопада Кши-Каинды обыкновенные вороны, вероятно, пытались загнеститься и раньше. С марта и до середины апреля 1983 пару птиц видели каждое посещение и несколько раз за день. 13 марта наблюдали драку с беркутом *Aquila chrysaetos*, поселившегося здесь на следующий год (Чаликова 2009).

В марте 2005 года пара воронов построила гнездо на сосне в центре села Жабагылы. 9 апреля в нем шло насиживание 5 яиц, а 29 мая его покинули 4 птенца. В период насиживания и выкармливания взрослые носили в гнездо мышей, отловленных рядом. В окрестностях села 4 слётков встречали до 19 июля, а позже – одиночных птиц.

В ущелье Боранчи 23 мая 2006 пара воронов в гнезде курганника (построенного стервятником в начале 1980-х) кормила одного полностью оперенного птенца. 13 марта 2008 здесь же наблюдали драку между вороном и курганником, но гнездо ни тем, ни другим не было занято. Однако 28 июня в 4 км от этого места встретили 2 слётков ворона. 26 июня 2005 двух слётков видели и в ущелье Коксай.

В предгорьях Чаткальского хребта вороны заканчивали строительство (ремонт?) гнезда 26 февраля 1978, а 3 марта 1979, хотя и держались рядом, к ремонту ещё не приступили (Лановенко 1995). В первом гнезде 8 марта нашли полную кладку из 6 яиц. Исходя из этих и наших наблюдений, можно заключить, что начало размножения у обыкновенного ворона растянуто и зависит от характера весны.

Литература

- Абаев А.Ж., Гаврилов А.Э., Зарипова С.Х. 2011. Динамика численности и возрастной состав вороновых (Corvidae) на осеннем пролете в предгорьях Западного Тянь-Шаня // *Зоологические исследования за 20 лет независимости Республики Казахстан*. Алматы: 177-179.
- Бакаев С.Б. 1984. *Экология размножения вороновых птиц в Узбекистане*. Ташкент: 1-112.
- Гаврилов Э.И., Гисцов А.П. 1985. *Сезонные перелёты птиц в предгорьях Западного Тянь-Шаня*. Алма-Ата: 1-223.
- Гаврилов А.Э., Колбинцев В.Г. 2004. Материалы по птицам Каратау и Западного Тянь-Шаня в 2003 г. // *Каз. орнитол. бюл.* 2003: 97-99.
- Гаврин В.Ф. 1974. Семейство вороновые Corvidae // *Птицы Казахстана*. Алма-Ата, 5: 41-120.
- Губин Б.М., Карпов Ф.Ф. 1999. Материалы по гнездящимся птицам озера Бийликуль (Южный Казахстан) // *Рус. орнитол. журн.* 8 (75): 3-13.
- Долгушин И.А. 1951. К фауне птиц Каратау // *Изв. АН КазССР. Сер. зоол.* 10: 72-117.
- Долгушин И.А. 2009. Орнитологический дневник поездки в Казгурт в 1938 г. // *Selevinia* 2008: 48-50.
- Воробьёв Г.Г., Чичикин Ю.Н. 1966. Птицы Сары-Челекского заповедника // *Тр. Сары-Челекского заповедника*. Фрунзе: 156-174.

- Железняков Д.Ф., Колесников И.И. 1958. Фауна позвоночных горно-лесного заповедника // *Тр. Чаткальского горно-лесного заповедника*. Ташкент: 94-117.
- Зарудный Н.А. 1910. Заметки по орнитологии Туркестана // *Орнитол. вестн.* 2: 99-117.
- Исмаил уулу М. 2010. Материалы к орнитофауне Каратауского заповедника // *Науч. тр. Каратауского заповедника*. Кентау: 77-98.
- Капитонов В.И. 1969. Особенности орнитофауны хребта Каржантау (Западный Тянь-Шань) // *Орнитология в СССР*. Ашхабад, 2: 272-275.
- Кашкаров Д.Н. 1927. Результаты экспедиции главного Средне-Азиатского музея в район озера Сары-Челек // *Изв. Ср.-Азиат. комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы*. Ташкент: 1-128.
- Кашкаров Д.Н. 1928. Экологический очерк района озер: Бийлю-Куль, Аккуль и Ащи-Куль Аулие-Атинского уезда // *Тр. Ср.-Азиат. ун-та*. Сер. 8а. Зоол. 2: 1-54.
- Коваленко А.В., Гаврилов Э.И., Белялов О.В., Карпов Ф.Ф., Анненкова С.Ю. 2002. Орнитологические наблюдения на озере Кызылколь (Южный Казахстан) в период сезонных миграций // *Рус. орнитол. журн.* 11 (199): 879-887.
- Ковшарь А.Ф. 1966. *Птицы Таласского Алатау*. Алма-Ата: 1-435.
- Ковшарь А.Ф. 2007. Список птиц Тянь-Шаня (в пределах его западной, средне-азиатской половины) // *Selevinia 2006*: 27-43.
- Ковшарь А.Ф., Торопова В.И. 1999. Путевые заметки о птицах Тянь-Шаня и Алтая (по материалам экспедиции 1998 и 1999 гг.) // *Selevinia 1998/1999*: 106-121.
- Ковшарь А.Ф., Чаликова Е.С. 1992. Многолетние изменения фауны и населения птиц заповедника Аксу-Джабаглы // *Орнитологические исследования в заповедниках*. М.: 28-44.
- Ковшарь В.А. 2003. К авифауне верхней части бассейна реки Пскем // *Selevinia 2002* 1/4:135-149.
- Ковшарь В.А. 2005. О гнездящихся птицах северо-западного склона Кураминского хребта (Западный Тянь-Шань, Узбекистан) // *Selevinia 2004*: 107-111.
- Корелов М.Н. 1956. Фауна позвоночных Бостандыкского района // *Природа и хозяйственные условия горной части Бостандыка*. Алма-Ата: 259-325.
- Лановенко Е.Н. 1994. О биоразнообразии авифауны Узбекистана // *Редкие и малоизученные птицы Узбекистана и сопредельных территорий*. Ташкент: 36-38.
- Лановенко Е.Н. 1995. Альпийская галка. Ворон // *Птицы Узбекистана*. Ташкент, 3: 138-140, 170-174.
- Лановенко Е.Н. 1997. Структура летнего населения птиц Чаткальского биосферного заповедника // *Тр. заповедников Узбекистана*. Ташкент: 62-73.
- Лановенко Е.Н., Сагитов А.К. 1995. Чёрная ворона // *Птицы Узбекистана*. Ташкент, 3: 152-159.
- Митропольский О.В. 2005. *Биоразнообразие Западного Тянь-Шаня. Материалы к изучению птиц и млекопитающих в бассейнах рек Чирчик и Ахангаран (Узбекистан, Казахстан)*. Ташкент; Бишкек: 1-166.
- Осташенко А.Н. 2005. Мониторинг биоразнообразия в экосистемах Западного Тянь-Шаня по состоянию индикаторных видов птиц и млекопитающих // *Современное состояние животного мира Западного Тянь-Шаня (Кыргызстан)*. Бишкек: 81-100.
- Плахов К.Н. 2002. Сурок Мензбира // *Мониторинг биологического разнообразия заповедника Аксу-Джабаглы*. Алматы: 33-39.

- Чаликова Е.С. 1999. Наблюдения за гнездованием ворона (*Corvus corax*) в заповеднике Аксу-Джабаглы // *Selevinia 1996-1997*: 164.
- Чаликова Е.С. 2001. Роль человека в формировании орнитофауны окрестностей с. Жабагылы // *Тр. Аксу-Джабаглинского заповедника*. Кокшетау: 152-154.
- Чаликова Е.С. 2004. О находке гнездовой колонии грача в предгорьях Каржан-тау // *Каз. орнитол. бюл.* 2003: 183.
- Чаликова Е.С. 2004. Галка в Таласском Алатау (Западный Тянь-Шань) // *Selevinia 2003*: 222.
- Чаликова Е.С. 2007. Птицы в арчовниках Таласского Алатау // *Тр. Аксу-Жабаглинского заповедника*. Шымкент: 48-113.
- Чаликова Е.С. 2007. К орнитофауне Каржантау и Угамского хребта (Западный Тянь-Шань) // *Тр. Аксу-Жабаглинского заповедника*. Шымкент: 136-156.
- Чаликова Е.С. 2008. Зимняя орнитофауна Таласского Алатау (Западный Тянь-Шань) // *Рус. орнитол. журн.* 17 (413): 583-612.
- Чаликова Е.С. 2009. Питание гнездовых птенцов сороки *Pica pica* в Таласском Алатау // *Рус. орнитол. журн.* 18 (508): 1518-1520.
- Чаликова Е.С. 2009. Полувековые наблюдения за гнездованием хищных птиц в Таласском Алатау // *Рус. орнитол. журн.* 18 (507): 1475-1491.
- Чаликова Е.С., Колбинцев В.Г. 2006. К орнитофауне Боролдайтау и Каратау // *Selevinia 2005*: 110-116.
- Шапошников Л.В. 1931. О фауне и сообществах птиц Каратау (Орнитологические результаты поездок летом 1926 и 1927 гг. в горы Каратау) // *Бюл. МОИП. Отд. биол.* 41, 3/4: 406-411.
- Шевченко В.В. 1948. Птицы государственного заповедника Аксу-Джабаглы // *Тр. заповедника Аксу-Джабаглы*. Алма-Ата: 36-70.
- Шульпин Л.М. 1953. Материалы по фауне птиц заповедника Аксу-Джабаглы // *Тр. Ин-та зоол. АН КазССР* 2: 53-79.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2012, Том 21, Экспресс-выпуск 786: 2009-2011

Залёт зимородка *Alcedo atthis* на озеро Язёвое у подножия горы Белухи (Центральный Алтай)

Н.Н.Березовиков

Николай Николаевич Березовиков. Лаборатория орнитологии и герпетологии, Институт зоологии, Министерство образования и науки, проспект Аль-Фараби, 93, Алматы, 050060, Казахстан.
E-mail: berezovikov_n@mail.ru

Поступила в редакцию 30 августа 2012

В пределах Алтая зимородок *Alcedo atthis atthis* (Linnaeus, 1758) гнездится в основном по речкам в предгорной зоне, местами по широким горным долинам проникая до среднего течения больших рек, обычно до высоты не более 1000 м над уровнем моря. В период мигра-

ций иногда залетает на горные озёра – Телецкое (Сушкин 1938; Кучин 1976), Маркаколь (Корелов 1970; Березовиков 1989; Гаврилов и др. 2002) на высоту, как правило, не более 1500 м н.у.м.

Поэтому полной неожиданностью была встреча одного зимородка 29 июля 2012 в казахстанской части Центрального Алтая на озере Язёвое (1656 м н.у.м.) у юго-западного подножия высочайшей алтайской вершины – Белухи (4506 м н.у.м.).

Обнаружен зимородок был здесь случайно, во время длительного слежения в зрительную трубу за выводком чернозобых гагар *Gavia arctica*, кормившихся в небольшом заливе у истока из озера речки Язёвой (49°33'00.9''с.ш., 86°17'44.4''в.д.). Зимородок отдыхал в надводной куртине рогоза, устроившись на заломе стеблей, и был совершенно не замечен с берега без оптики (см. рисунок).

Озеро Язёвое у истока Язёвки – место встречи залётного зимородка *Alcedo atthis*.
29 июля 2012. Фото автора

Нахождение этой равнинной птицы на озере Язёвом довольно неожиданно и необычно ввиду того, что оно расположено в глубине гор среди черневой тайги хребта Листвяга и попасть зимородку сюда можно было только из поймы Бухтармы, удалённой на 30 км, залетев по руслу бурной реки Белая Берель, а затем подняться вверх около 15 км по её притоку – речке Язёвой, которая стекает с крутого таёжного склона, образуя каскад из десятка водопадов! Поэтому этот залёт можно рас-

ценивать как выдающуюся попытку проникновения зимородка в алтайское высокогорье.

Литература

- Березовиков Н.Н. 1989. *Птицы Маркакольской котловины (Южный Алтай)*. Алма-Ата: 1-200.
- Гаврилов Э.И., Кузьмина М.А., Грачёв Ю.Н., Родионов Э.Ф., Березовиков Н.Н. 2002. Материалы о птицах Южного Алтая. 1. Non-Passeriformes // *Рус. орнитол. журн.* 11 (183): 351-371.
- Корелов М.Н. 1970. Род Зимородок – *Alcedo* // *Птицы Казахстана*. Алма-Ата, 3: 70-77.
- Кучин А.П. 1976. *Птицы Алтая*. Барнаул: 1-232.
- Сушкин П.П. 1938. *Птицы Советского Алтая и прилежащих частей Северо-Западной Монголии*. М.; Л., 1: 1-320.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2012, Том 21, Экспресс-выпуск 786: 2011-2012

Реакция на хищника – причина гибели степных жаворонков *Melanocorypha calandra*

Ф.Ф.Карпов

*Второе издание. Первая публикация в 1998**

В первой и второй декадах сентября 1989 года близ железнодорожной станции Копя, в 120 км к западу от Алма-Аты, отмечена гибель степных жаворонков *Melanocorypha calandra*, разбиравшихся о провода линии электропередачи, расположенной у водопоя.

Высота линии из 3 проводов – 9 м. Расстояние между опорными столбами – 70 м. Местом водопоя жаворонков служили небольшие разливы двух артезианских скважин, расположенных в 500 м друг от друга. Каждую из скважин в течение дня посещало 15-20 тыс. степных жаворонков, которые собирались с территории радиусом 10 км. Жаворонки прилетали на водопой дважды в день. Утренний прилёт начинался через полчаса после восхода солнца и длился около 2 ч. Вечерний водопой, более интенсивный и длительный, начинался за 3 ч до заката и заканчивался после захода солнца.

На кормёжке в степи степные жаворонки держатся, как правило, небольшими группами от 3 до 20 особей и лишь местами при обилии

* Карпов Ф.Ф. 1998. Реакция на хищника – причина гибели степных жаворонков // *Современная орнитология 1998*: 338-339.

корма образуют сотенные скопления, например, по автотрассе с рассыпанным на ней зерном. На водопой жаворонки летят сплошным потоком, но не связанными между собой группами. У скважины образуется скопление, в котором уже можно выделить отдельные крупные стаи, от нескольких сотен до тысячи особей, так как жаворонки всегда стремятся опускаться к воде большой группой. После водопоя эти временные стаи распадаются, и обратно летит уже разреженный поток. При этом жаворонки благополучно облетают провода.

Когда на скважине появляется чеглок *Falco subbuteo* или ястреб-перепелятник *Accipiter nisus* (на оба вида пустельг жаворонки не реагируют), поведение жаворонков меняется. Стаи уплотняются и принимают эллипсообразную форму. Закончив водопой, они не распадаются и на большой скорости летят со скважины. Теперь при пролёте через линию электропередачи отдельные птицы из средней или задней части стаи сталкиваются с проводами. Из 25 погибших и тяжело травмированных птиц 5 были с переломами крыла и 3 с головными ранами. У остальных видимых повреждений не было. Хотя ЛЭП у водопоев проверялись утром и вечером, часть жаворонков под проводами не попадала в учёт (лёгкие подранки и подобранные хищниками). На столбах у скважин часто «дежурили» пустельги.

Кроме степного, на водопое в небольшом количестве отмечены и другие жаворонки: малый *Calandrella cinerea*, полевой *Alauda arvensis*, индийский *Alauda gulgula*, хохлатый *Galerida cristata* и ещё 34 вида других птиц (утки – 1, кулики – 7, голуби – 3, хищные – 8, удод *Upupa epops*, воробьиные – 13 видов). Из них под проводами найдено по экземпляру 4 видов: азиатский зуёк *Charadrius asiaticus*, береговушка *Riparia riparia*, теньковка *Phylloscopus collybita* и обыкновенный скворец *Sturnus vulgaris*.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2012, Том 21, Экспресс-выпуск 786: 2012-2013

Гнездование желны *Dryocopus martius* в Кодрах

В.С.Гавриленко, П.Т.Чегорка

Второе издание. Первая публикация в 1986*

Л.Ф.Назаренко (устн. сообщ.) в середине 1960-х годов встречал желну *Dryocopus martius* на территории Котовского лесхоза – южная часть

* Гавриленко В.С., Чегорка П.Т. 1986. Гнездование желны в Кодрах // *Орнитология* 21: 131.

Кодр. С 1976 года нерегулярные залёты желны, преимущественно в зимнее время, отмечались лесниками заповедника «Кодры». 28 декабря 1981 нами добыта самка из пары наблюдаемых птиц, чучело которой хранится в коллекции заповедника. Примерно в те же сроки чёрного дятла отмечал старший егерь Скоренского лесничества А.П.Марчук. Встречи этих дятлов участились в 1982 году, их регистрировали на протяжении всего года. С 3 апреля 1983 пару чёрных дятлов постоянно наблюдали в буковой дубраве в северной части заповедника. Птицы придерживались долины ручья с наличием крупных буков. В одном из них на высоте 12-14 м они выдолбили три дупла, оставшиеся незаселёнными. 17 мая неподалёку от этого места было обнаружено ещё одно дерево также с тремя дуплами. В одном из них обнаружены 3 оперившихся птенца желны. Дупло располагалось на высоте 14 м, диаметр летка 12 см, глубина дупла 55 см. В заповеднике предполагается гнездование ещё одной пары чёрных дятлов.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2012, Том 21, Экспресс-выпуск 786: 2013

Гнездование чёрного аиста *Ciconia nigra* в Манраке

С.В.Стариков

Второе издание. Первая публикация в 2002*

В северной части хребта Манрак (Саур-Тарбагатайская горная система), в ущелье реки Тайжузген, 28 июля 2002 проверено гнездо чёрного аиста *Ciconia nigra*, в котором они гнездятся с 1995 года. Располагается оно в 10 км выше автомобильного моста по зайсанскому тракту в коньконообразном ущелье реки в большой нише скалы. В гнезде находились 4 оперённых птенца, которые вылетели при нашем приближении. Молодые уже хорошо летали и на гнездо, по всей видимости, они возвращаются лишь для отдыха. Вся гнездовая постройка была мокрая и в жидком помёте. Взрослые не появлялись, а молодые, спустя несколько часов, вновь вернулись к гнезду.

* Стариков С.В.. 2002. Чёрный аист *Ciconia nigra* // Каз. орнитол. бюл. 2002: 54.